

ГЛАВА VII.

ПОСЛѢДНІЙ ОПЛОТЪ БЕЛЬГІЙЦЕВЪ.

1.

Въ продолженіи двухъ съ половиной мѣсяцевъ съ начала войны я все время бродилъ по Франціи и исколесилъ много сотенъ миль между Нанси и западнымъ берегомъ, находясь все время между французскими и британскими войсками и наблюдая съ неустаннымъ интересомъ драму великаго народа, поглощеннаго борьбой не на жизнь, а на смерть съ самой грозной арміей въ мірѣ. По временамъ я приходилъ въ соприкосновеніе съ британской арміей и видѣлъ англійскихъ солдатъ, которые пробили себѣ дорогу отъ Монса до Мо, но по большей части я былъ съ французами и старался, какъ только я могъ, объяснить англійскому народу духъ Франціи.

Однако, мнѣ хотѣлось увидать какъ велъ войну другой народъ, и я проникся почтеніемъ къ духу Бельгіи и ея героическому населенію, которое въ то время потеряло все кромѣ послѣдняго клочка своей территоріи, но все еще продолжало упорно и отчаянно биться почти безъ всякой помощи съ державой, разрушившей его города до основанія, истребившей его древніе памятники искусства и превратившей его маленькую страну, мирную и промышленную, въ страшное мѣсто убійствъ и разрушенія.

Еще во Франціи я уже представлялъ себѣ разгромъ Бельгіи и видѣлъ жертвы этого разгрома. Съ того дня, какъ я впервые наткнулся въ Калѣ на поѣздъ съ бельгійскими солдатами, разбитыми усталостью во время ихъ отступленія, я видѣлъ предъ собой безконечную процессію бѣженцевъ изъ потерпѣвшей пораженіе страны и слышалъ отъ нихъ рассказы объ Алоетѣ, Лувенѣ, Термондѣ и о другихъ городахъ, гдѣ царилъ одинъ ужасъ среди законченныхъ пожаромъ камней и кусковъ человѣческаго мяса. Паденіе Антверпена гулко раздалось по Франціи, и сдача его послѣ неоправдавшейся надежды, что онъ никогда не попадетъ въ руки врага, наполнило душу французскаго народа ужаснымъ смятеніемъ. Не къ чему было скрывать важность этой нѣмецкой побѣды, когда Франція, съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ и съ помощью Англии, едва могла отбросить потокъ этихъ все наводняющихъ полчищъ за Марну, а теперь наступавшихъ со страшной мощью къ западу по направленію къ Калѣ. Паденіе Антверпена должно было освободить огромныя и лучшія силы непріятеля. Уже черезъ нѣсколько дней послѣ этого удара для союзныхъ армій, эскадроны нѣмецкой кавалеріи прорвались во Францію, быстро пробивая себѣ дорогу черезъ Лиль и Армантьеръ по направленію къ Бетюну и Ла-Бассе, разрушая желѣзнодорожные пути, взорванные уже разъ и вновь приведенные въ порядокъ, и наводя ужасъ на обитателей французскихъ деревень,

которые еще не вѣдали до сихъ поръ этихъ гусаровъ смерти. Въ качествѣ журналиста, которому грозила все увеличивавшаяся строгость военныхъ распоряженій относительно корреспондентовъ, я не имѣлъ возможности оповѣстить правду. Я уже подозревалъ гибель Антверпена за нѣсколько дней до того, какъ была рѣшена его участь, и я бросился на сѣверъ, чтобы добратъся какъ можно ближе къ бельгійской границѣ. Ближайшее мѣсто, куда я могъ попасть, былъ Дюнкирхенъ, и я попалъ туда какъ разъ во-время, чтобы быть свидѣтелемъ удивительныхъ сценъ. Я видѣлъ такія картины, что даже теперь, когда я пишу, по прошествіи цѣлыхъ мѣсяцевъ, эти картины наполняютъ мою душу состраданіемъ и вызываютъ во мнѣ мысль о необъятной трагедіи человѣчества.

2.

Городъ Дюнкирхенъ, откуда я отправлялся въ поискахъ за приключеніями на театръ войны такъ часто, что я буду живо помнить его всю мою жизнь, былъ въ октябрѣ мѣстомъ дикаго хаоса, наполненномъ гуломъ голосовъ безмѣрной массы народа и топотомъ безчисленныхъ ногъ, выбивавшихъ на его мостовой какъ бы трагическій маршъ. Усталые шаги по тротуарамъ и по булыжникамъ мостовыхъ производили шумъ, подобный шуршанію волнъ на камняхъ и пескѣ морского берега, странный, глухой, съ особымъ ритмомъ, который притуплялъ чувства, если прислушиваться къ нему долгое время. Я думаю, что въ этотъ день общая нервность захватила и меня. Какая-то тоска нашла на меня, такъ что я почувствовалъ слабость и упадокъ духа. Кромѣ того, и въ другомъ отношеніи удручающе дѣйствовали эти огромныя толпы бельгійцевъ, которыя пришли сюда или пріѣхали по большимъ прямымъ дорогамъ, ведущимъ во Францію, и теперь пробивались къ докамъ, гдѣ тысячи ихъ расположились лагеремъ. Отъ ихъ неизбежной въ данномъ случаѣ нечистоты, отъ пота и слезъ, высохшихъ на ихъ щекахъ, отъ пыли и грязи на ихъ одеждѣ распространялся тошнотворный запахъ. Несчастные люди! Было что-то постыдное и отвратительное въ вашемъ жалкомъ состояніи, и мнѣ было стыдно смотрѣть на васъ. Предомно были изнѣженные дамы съ криво надѣтыми шляпами и растрепанными волосами, въ перепачканныхъ и разорванныхъ дорогихъ платьяхъ, что придавало имъ видъ проститутокъ изъ темныхъ и глухихъ переулковъ. Я видѣлъ молодыхъ дѣвушекъ, воспитывавшихся въ монастыряхъ и теперь окунувшихся въ море бѣженцевъ, лишенныхъ всего, что даетъ уютъ жизни, до того, что онѣ не могли слѣдовать приличіямъ цивилизаціи и должны были открыто удовлетворять естественныя потребности. Крестьянки, сидя на корточкахъ, кормили своихъ младенцевъ, плача надъ ними и причитая. Дѣти съ испуганными глазами, какъ будто бы они были оставлены одни-одинешеньки въ ужасномъ мракѣ, искали своихъ родителей, которые были разлучены съ ними въ давнѣ при посадкѣ въ вагоны или въ движеніи и тол-

котѣ толпы. Молодые отцы семействъ хрипло звали женщинъ, которыхъ они не могли найти. Старухи съ трясущимися головами и дрожащими руками пронзительно кричали въ напрасной надеждѣ, что онѣ могутъ услышать отвѣтный зовъ ихъ сыновей или дочерей. Подобно бѣжавшимъ отъ землетрясенія куда-нибудь на морской берегъ, въ надеждѣ, что всѣ они попадутъ на корабль, эти семьи бельгійцевъ съ трудомъ добрались до порта Дюнкирхена и ждали здѣсь въ отчаяніи спасенія. Они были въ худшемъ положеніи чѣмъ потерпѣвшіе кораблекрушеніе, потому что ни одинъ корабль не могъ перевезти ихъ домой. Позади нихъ все было превращено въ пепель, и вражеская армія расположилась среди развалинъ ихъ жилищъ.

Я не могъ вынести этого зрѣлища, бѣжалъ изъ толпы и скрылся въ спокойномъ убѣжищѣ ресторана въ центрѣ города. Я помню, что туда вошло нѣсколько англійскихъ офицеровъ, которые сурово уставились на меня изъ-за ихъ стола, подозрѣвая во мнѣ шпіона или, еще хуже, журналиста. Въ тѣ дни, принужденный правдой и неправдой увертываться отъ ареста на каждомъ перекресткѣ, я былъ проникнутъ въ высшей степени непатріотической ненавистью къ этимъ британскимъ офицерамъ, суровые глаза которыхъ какъ бы насквозь просверливали мою душу. Они казались мнѣ пруссаками самаго худшаго типа. Впослѣдствіи, оставивъ свои страхи благодаря магическому дѣйствію официальныхъ пропусковъ, я освободился отъ моей непріязни и видѣлъ только хорошія качества нашихъ военныхъ. Я помню также, что я закусывалъ за столомъ, напротивъ хорошенькой пустой дѣвушки, болтавшей со мною, какъ съ англичаниномъ, такъ, какъ-будто бы не было войны, которая должна была положить конецъ всякому кокетству и флирту. Я всталъ изъ-за стола, поставивъ рюмку такъ, что у ней отскочила ножка. Въ ресторанѣ послышался опять топотъ толпы. Но ритмъ шаговъ отличался отъ шума, который я слышалъ весь этотъ день. Онъ былъ рѣзче и болѣе размѣренный. Я догадался тотчасъ же, что мимо насъ проходили солдаты и что подойдя къ двери, я увижу другую картину бѣдствія. Я увидѣлъ отступающую армію. Это была армія Антверпена, входящая въ Дюнкирхенъ. Я снялъ мою шляпу и смотрѣлъ на нихъ съ обнаженной головой.

Это были только разрозненные полки, идущіе въ безпорядкѣ, однако, кое-гдѣ были видны небольшія части, марширующія мрачно и гордо, нога въ ногу, съ ружьями на плечѣ.

Преодо мною прошла муниципальная гвардія, плечо къ плечу, какъ на парадѣ. За нею слѣдовала длинная вереница всадниковъ на разбитыхъ лошадяхъ съ безпорядочнымъ грузомъ, наваленнымъ на пыльные телѣги. Сѣдла и упряжь, мундиры разныхъ полковъ, поспѣшно выкинутые изъ казарменныхъ шкаповъ, палаши и сапоги, все это было сложено кучей на соломенные матрацы. Наверху лежали усталые до смерти солдаты. Ихъ головы тряслись и качались изъ стороны въ сторону, когда телѣги подпрыгивали по мостовымъ улицъ. Бронированные автомобили съ пулеметами, моторы испаранные и пробитые нѣмецкими пулями,

обозныя телѣги и санитарныя повозки медленно подвигались въ этомъ потокѣ движенія между отрядами пѣхоты, уныло шедшей тяжелой поступью измученныхъ и усталыхъ людей. Ихъ мундиры были покрыты придорожной пылью, изъ лица были блѣдны и изнеможены благодаря недостатку пищи и сна. Нѣкоторые изъ нихъ были какъ бы въ бреду и смотрѣли вокругъ себя дикими глазами, въ которыхъ свѣтилось безуміе. Много солдатъ было ранено и забрызгано кровью. Ихъ перевязки были окрашены багровыми пятнами, и нѣкоторые изъ нихъ были настолько слабы, что они выходили изъ рядовъ и садились на порогахъ дверей или на тумбахъ, опустивъ свои головы. У многихъ другихъ солдатъ, которые хромали, одна нога была въ сапогѣ, а другая только въ носкѣ, при чемъ другой сапогъ они несли привязаннымъ къ дулу ружья.

Между двумя патрулями всадниковъ ѣхалъ отдѣльно маленький мальчикъ на огромной лошади. Мальчикъ былъ бѣлокурый, лѣтъ двѣнадцати, въ бельгійскомъ мундирѣ, въ шапкѣ съ кисточкой, надвинутой на одно ухо, и когда онъ проѣзжалъ, жители Дюнкирхена хлопали въ ладоши и кричали: „Браво! Браво!“ Онъ принималъ эти оваціи съ усмѣшкой и высоко держалъ свою голову.

Кафе здѣсь, во Франціи были наполнены бельгійскими офицерами всѣхъ ранговъ. Я никогда не видѣлъ въ одномъ мѣстѣ такого множества генераловъ или такого смѣшенія формъ. Они церемонно отдавали честь другъ другу, и въ этомъ городѣ за бельгійской границей происходили радостныя встрѣчи между друзьями и братьями, не видавшими давно другъ друга. Большинство офицеровъ были молодые люди болѣе крѣпкаго сложения чѣмъ французы, среди которыхъ я до сего времени находился. Но нѣкоторые изъ нихъ имѣли видъ ученыхъ и печально смотрѣли черезъ свои золотомъ оправленные очки. Между офицерами было много людей среднихъ лѣтъ, которые носили форму, но мундиръ сидѣлъ на нихъ мѣшковато, и у нихъ совсѣмъ не было военной выправки и щегольства. Когда Германія разорвала „клочекъ бумаги“, гарантировавшій неприкосновенность Бельгіи, каждый патріотъ-бельгіецъ выступилъ на защиту родины, взялся за ружье, хотя онъ никогда не бралъ его во всю жизнь, и надѣлъ на себя мундиръ, хотя онъ никогда не маршировалъ по плацу казармъ. Юристы, купцы, учителя и поэты; актеры и пѣвцы, фермеры и крестьяне бросились къ оружію, и когда передовые отряды нѣмецкой арміи пересѣкли границу, они нашли противъ себя не только маленькую армію Бельгіи, но весь бельгійскій народъ. Даже женщины помогали рыть траншеи въ Льежѣ и лили кипятокъ на уланъ, которые появлялись въ бельгійскихъ деревняхъ. Именно, то обстоятельство, что на врага поднялся весь народъ, и повело за собой такъ много безсердечія и дикой жестокости со стороны непріятеля. Нѣмецкіе генералы боялись населенія, среди котораго каждый мужчина или мальчикъ, способный держать ружье, тотчасъ же пускалъ пулю при видѣ остроконечной каски. Нѣмецкіе вожди, для которыхъ война

ничто иное, какъ наука безъ какихъ бы то ни было гуманныхъ чувствъ, твердо рѣшили уничтожить вольныхъ стрѣлковъ, и запугиванье населенія стало среди нѣмцевъ правиломъ. Я только что слышалъ, какъ англійскіе офицеры одобряютъ такой методъ войны и оправдываютъ всю эту бойню, которая была впервые примѣнена врагами, тѣми же самыми словами, какъ и нѣмцы „Война это война... Нельзя вести войну съ помощью розовой воды... Вольный стрѣлокъ долженъ быть разстрѣленъ тотчасъ же. Гражданское населеніе, поднявшее оружіе противъ арміи, занявшее чужую территорію, должно получить кровавый урокъ. Если мы попадемъ когда-нибудь въ Германію, мы также встрѣтимся лицомъ къ лицу съ такой же опасностью, поэтому нѣтъ смысла ужасаться и возмущаться“.

Война это война, какъ адъ всегда будетъ адомъ. Оставимъ это, какъ я оставилъ улицы Дюнкирхена, куда пришла армія бельгійскихъ волонтеровъ и ихъ войска послѣ геройскаго сопротивленія противъ подавляющаго численностью врага, когда ихъ храбрость безъ знанія военной науки не могла бороться съ величайшей машиной смерти въ Европѣ, руководимой высокообразованными экспертами въ ремеслѣ войны.

3.

Въ эту ночь я выѣхалъ изъ Дюнкирхена. Я былъ радъ попасть въ поѣздъ. Здѣсь, на чистомъ воздухѣ въ спокойную ночь я могъ забыть на нѣкоторое время бессмысленную жестокость войны и отвернуться отъ страданій отдѣльных лицъ, низвергнутыхъ въ бездну отчаянія ея чудовищной несправедливостью.

Тѣмъ не менѣе, весь длинный поѣздъ былъ тѣсно набитъ бѣженцами. Для меня нашлось только мѣсто въ корридорѣ, при томъ условіи, чтобы я держалъ локти ближе къ тѣлу, тѣсно прижатому къ двери. Другіе старались вскарабкаться въ вагонъ, жалобно умоляя хоть немного потѣсниться, въ то время, какъ у насъ совсѣмъ не было мѣста. Поѣздъ тронулся послѣ рѣзкаго толчка, оставивъ за собой цѣлую толпу, желавшихъ уѣхать.

Поворотивъ мою голову и половину моего тѣла, я могъ взглянуть въ два освѣщенныхъ купе позади меня въ то время, какъ я стоялъ въ корридорѣ. Они были переполнены бельгійцами, которыхъ я наблюдалъ цѣлый день, несчастными бѣженцами изъ раззоренной страны. На нѣсколько часовъ они освободились отъ всѣхъ тревоженій въ этомъ французскомъ поѣздѣ. Впервые съ того времени, какъ снаряды начали разрываться надъ Антверпеномъ, они хоть немного успокоились и отдохнули.

Я смотрѣлъ на ихъ лица, когда они сидѣли, откинувшись на спинки дивановъ съ закрытыми глазами. Тутъ былъ молодой бельгійскій священникъ съ чисто выбритымъ лицомъ блондина. На немъ были высокіе сапоги, забрызганные грязью, и только серебряный крестъ на груди указывалъ на его санъ. Онъ заснулъ съ улыбкой на губахъ. Но вдругъ онъ вздрогнулъ, про-

снулся, и въ его глазахъ появился неописуемый ужасъ... Онъ вспомнилъ страшную дѣйствительность.

Рядомъ съ нимъ сидѣла старая дама. Свѣтъ вагонной лампы сверкалъ на ея серебряныхъ волосахъ и придавалъ рембрандтовскій оттѣнокъ ея красивому строгому фламандскому лицу. Она смотрѣла на священника, и ея губы двигались, какъ бы отъ жалости. Разъ или два она бросила взглядъ на свои грязныя руки и на свое запачканное платье и затѣмъ вздохнула, опустила голову и впала въ забвеніе.

Молодая фламандка тѣсно прижалась къ своему маленькому сыну съ льняными волосами, голубые глаза котораго смотрѣли серьезно, со старческой важностью. Она коснулась волосъ мальчика своими губами, прижала его ближе къ себѣ, какъ бы желая почувствовать, что онъ около нея, какъ бы убѣждаясь, что теперь ничто не можетъ случиться, разъ онъ около нея.

На противоположномъ диванѣ сидѣло двое бельгійскихъ офицеровъ: пожилой господинъ съ сѣдыми усами и бровями въ высокомъ кэпи и молодой человѣкъ въ шапочкѣ съ кисточкой, какъ у англійскаго студента. Оба они сидѣли уныло согнувшись. Въ положеніи ихъ фигуръ сказывалось пораженіе и отчаяніе бельгійской арміи. Только когда молодой офицеръ переставилъ свою правую ногу съ гримасой боли, я увидаль, что онъ былъ раненъ.

Въ двухъ купе, куда я могъ заглянуть, находилось только нѣсколько лицъ, проникнутыхъ горемъ и страданіемъ бѣдной разбитой Бельгіи. По всему же длинному поѣзду были тысячи мужчинъ и женщинъ въ томъ же самомъ состояніи и съ тѣмъ же самымъ горемъ.

Рядомъ со мной, въ корридорѣ стоялъ молодой человѣкъ съ бѣлокурой бородой и усами и красивыми деликатными чертами лица. По его манерамъ было видно, что онъ принадлежитъ къ бельгійской аристократіи, и костюмъ на немъ указывалъ на его богатство и высокое положеніе въ обществѣ. Я обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими ничего не значущими фразами, и оказалось, какъ я и предполагалъ, что онъ бельгійскій бѣженецъ.

— Куда вы направляетесь?—спросилъ я.

Онъ улыбнулся на мой вопросъ и слегка пожалъ плечами.

— Куда-нибудь. Не все ли равно? Я потерялъ рѣшительно все. Всѣ мѣста одинаковы для раззореннаго человѣка.

Онъ говорилъ спокойно. Въ его голосѣ не было слышно тона отчаянія. Какъ будто бы онъ сообщалъ мнѣ, что потерялъ свои часы.

— Вонъ, тамъ моя мать—внезапно проговорилъ онъ, глядя на старую даму съ серебристыми волосами.—Нѣмцы сожгли нашъ домъ и уничтожили все, что у насъ было. У насъ ничего не осталось. Позвольте закурить папиросу.

Молодой солдатъ объяснялъ причины бельгійскаго разгрома и, повидимому, объяснялъ правильно.

— Я дрался все время отъ Льежа до Антверпена. Но повсюду было одно и то же. Мы убьемъ одного нѣмца, пять явятся на

его мѣсто. Мы уьемъ сотню, приходитъ тысяча ихъ. Всѣ наши усилія ни къ чему не повели. Мы должны были только отступать и отступать. Это дѣйствуетъ удручающе.

— Англія очень добра къ бѣженцамъ,—сказалъ другой солдатъ.—Мы этого никогда не забудемъ.

Поѣздъ останавливался на промежуточныхъ станціяхъ. Иногда мы выходили, чтобы размять затекшія ноги. На платформахъ станцій толпились бельгійскіе бѣглецы, тѣни во мракѣ или силуэты, освѣщенные станціонными лампами. Они расположились здѣсь подъ открытымъ небомъ съ ихъ узлами и младенцами.

На запасныхъ путяхъ стояло много вагоновъ, пѣлые поѣзда. Они принадлежали бельгійскимъ правительственнымъ желѣзнымъ дорогамъ, и сотни ихъ были перевезены черезъ границу, подальше отъ нѣмцевъ. Въ этихъ вагонахъ устроились по домашнему семьи бѣженцевъ. Они жили въ нихъ, вывѣшивая изъ оконъ бѣлье для просушки, приготовляя кушанья въ этихъ узкихъ помѣщеніяхъ. Они обосновались въ вагонахъ такъ, какъ будто бы намѣревались провести всю остальную жизнь на запасныхъ путяхъ. Мы слышали ихъ голоса, говорившіе по-фламандски, когда нашъ поѣздъ проходилъ мимо. Одна женщина убаюкивала своего ребенка, напѣвая милую старую колыбельную пѣсенку. Въ нашемъ поѣздѣ тоже пѣли. Четверо молодыхъ французовъ вошли къ намъ, весело протолкавшись въ корридоръ, который, казалось, былъ набитъ до послѣдней возможности.

Молодой фламандецъ съ бѣлокурой бородой и усами улыбнулся, глядя на французовъ.

— Они счастливые насъ,—сказалъ онъ.—Мы вынесли первый ударъ.

Я покинулъ поѣздъ и моихъ новыхъ знакомыхъ. Мы разстались со словами „до свиданья“ и пожеланіями счастья. Когда я вернулся на эту станцію на слѣдующее утро, я услышалъ, что поѣздъ съ бѣженцами налетѣлъ на другой поѣздъ у Ла-Маркизь вблизи Булони. Сорокъ человѣкъ было убито и шестьдесятъ ранено. Избѣжавъ ужасовъ Антверпена, пассажиры этого трагическаго поѣзда опять подверглись удару жестокой судьбы.

4.

Я снова вернулся въ Дюнкирхенъ и оставался тамъ нѣсколько дней въ надеждѣ получить пропускъ, который далъ бы мнѣ возможность перейти бельгійскую границу и попасть туда, гдѣ шель бой. Даже для того, чтобы пройти со станціи въ этотъ укрѣпленный городъ, нужно было прибѣгнуть къ дипломатіи, граничащей съ обманомъ, такъ какъ со времени отступленія бельгійскихъ волонтеровъ, Дюнкирхенъ находился въ ожиданіи осады и бомбардировки, и ни одному гражданину и неизвѣстному лицу нельзя было войти въ него. Къ счастью, у меня была возможность упомянуть имя весьма важнаго лица съ молчаливымъ допущеніемъ, что его вліяніе простирается на мою смиренную персону, такъ

что французскій джентльменъ со штыкомъ длиною въ англійскій ярдъ отступилъ отъ дверей станціи и позволилъ мнѣ и моимъ двумъ друзьямъ пройти въ городъ.

Гражданское населеніе Дюнкирхена начало испытывать безпокойство. Жители города знали, что только послѣдніе остатки бельгійской арміи стояли между ихъ портомъ и силами врага. Теперь, когда Антверпенъ палъ, они начали терять вѣру въ цѣпь своихъ фортовъ и въ артиллерію ихъ гарнизона. Въ народномъ воображеніи нѣмецкія пушки превратились во что то мифическое и чудовищное. Казалось, что ихъ дальнобойныя орудія могутъ сокрушить сильнѣйшія укрѣпленія. Видимой паники въ городѣ не было, и горожане таили свои страхи подъ маской призранія къ этимъ *sacrés Boches*. Но лица нѣкоторыхъ изъ нихъ, тѣхъ именно, кто не боялся смерти, но боялся за тѣхъ, кого онъ любилъ, были прикрыты маской спокойствія, черезъ которую можно было видѣть ужасъ, когда черезъ плотины и валы проходили слухи, что нѣмецкая армія движется впередъ и подходитъ все ближе и ближе.

Старая хозяйка маленькой гостиницы, гдѣ я остановился, отъ души хохотала, сложивъ руки на своей обширной груди, когда молодой бельгійскій офицеръ комически ухаживалъ за ея двумя прелестными дочками, блондинкой и брюнеткой, красота, свѣжесть и простота которыхъ искупала неряшество ихъ кухни.

Но внезапно она схватила меня за руку, закрывая дверь другой рукой.

— Мосье, я старая дура, потому что у меня здѣсь эти двѣ красавицы. Я боюсь не за себя. Но мои дѣвочки, двѣ эти розы! Я не въ состояніи допустить, чтобы онѣ рисковали! Вы понимаете?

Я не могъ сказать ей, настало ли время для бѣгства. Съ двумя такими красавицами я давно убѣждалъ бы. Однако, я не вѣрилъ, чтобы нѣмцы могли легко захватить Дюнкирхень. Я ходилъ вокругъ его фортификаціонныхъ сооруженій и видѣлъ, что они могутъ выдержать даже огонь нѣмецкихъ пушекъ. За крайними фортами мѣстность была плоская и обнаженная, такъ что даже кроликъ не могъ бы проскочить тамъ безъ того, чтобы не быть замѣченнымъ. Блиндажи, сложенные изъ мѣшковъ съ пескомъ, и земляные валы, насыпанные нѣсколько времени тому назадъ и покрытые травой, представляли великолѣпное прикрытіе для французскихъ батарей. Линіи окоповъ и проволочныхъ загражденій тянулись на цѣляхъ мили вплоть до самой бельгійской границы. Для глазъ несвѣдущаго въ военной наукѣ всѣ эти признаки были весьма утѣшительны. Но все же я думаю, они были бы бесполезны, если бы непріятель прорвался по дорогѣ въ Дюнкирхень.

Жизнерадостный священникъ, съ которымъ я встрѣтился на желѣзномъ мосту, объяснилъ мнѣ секретъ неприступности Дюнкирхена.

— Намъ нужно только открыть шлюзы,—сказалъ онъ, смѣясь при мысли о простотѣ этой операціи,—и черезъ часъ всѣ поля

на цѣлыя мили будутъ покрыты водой. Смотрите, вонъ, то поле уже подъ водой. Непріятельскія пушки потонутъ въ ней.

Онъ указалъ на юго-западъ, и я увидалъ, что поля въ этой сторонѣ были влажны и покрыты кое-гдѣ водой, какъ будто послѣ страшнаго ливня. Ближе къ намъ, на сухой землѣ отрядъ солдатъ ходилъ то взадъ, то впередъ, прилежно маршируя.

Священникъ указалъ на нихъ.

— Эти бельгійскіе юноши сражались необученными. Въ будущемъ они будутъ сражаться съ большей дисциплиной. Однако, не съ большей храбростью, мосье!

Прошло нѣсколько дней, и я увидѣлъ, какъ бельгійцы сражались все еще на своей собственной землѣ съ горечью въ сердцѣ, но безстрашные духомъ.

5.

Я вернулся въ Калэ на нѣсколько дней и нашелъ здѣсь удобный случай проникнуть въ Бельгію на боевой фронтъ. Я сидѣлъ у открытаго окна съ двумя моими пріятелями, когда увидалъ на улицѣ молодую дѣвушку. Послѣдній разъ, когда я видѣлъ ее, я былъ въ старомъ англійскомъ замкѣ, наполненномъ историческими тѣнями галантныхъ кавалеровъ и рыцарей. Смѣющіяся дѣвушки бѣжали въ припрыжку играть въ теннисъ на лужайку около террасы, съ которой струился запахъ розъ и ползучихъ растений въ навѣвующій дремоту воздухъ англійскаго лѣта. Странно было видѣть одну изъ этихъ дѣвушекъ въ Калэ, гдѣ играли совершенно въ другого рода игру. Глаза ея были серьезны, чего я не видѣлъ прежде въ Англии, но все же, впоследствии, я слышалъ какъ ея смѣхъ звенѣлъ неподалеку отъ разрывавшихся снарядовъ. У ней былъ моторъ, пропускъ на бельгійскій фронтъ и доброе сердце, которое дало мнѣ свободное мѣсто въ экипажѣ при условіи, что я не буду мѣшкать. Я такъ спѣшилъ, что, бросивъ въ ручной саквояжъ нѣсколько вещей, былъ моментально готовъ, и мнѣ только хватило времени пожать руки двумъ пріятелямъ, которые были моими спутниками во Франціи. Философъ и Стратегъ только блѣдныя тѣни въ этой книгѣ, но хотя я оставилъ ихъ на мостовой Дюнкирхена, память о нашихъ товарищескихъ отношеніяхъ останется у меня навсегда.

6.

Городъ Фюрнесъ въ Бельгіи, куда я пріѣхалъ, когда мракъ началъ спускаться на его улицы и площади, былъ главной квартирой короля Альберта и его штаба. Населеніе города могло слышать весь день громъ пушекъ, находящихся за нѣсколько километровъ отъ города, гдѣ остатокъ бельгійской арміи держался на Изерскомъ каналѣ и занималъ окопы, заграждающіе доступъ къ дорогамъ въ Диксмюде, Первизе и другимъ городкамъ и деревнямъ послѣдняго клочка Бельгіи.

7.

Въ первую ночь, проведенную мною въ Фюрнесѣ, я получилъ работу и заработалъ себѣ обѣдъ честнымъ трудомъ. Персоналъ англійскаго госпиталя съ летучей колонной, присоединенной къ бельгійской кавалеріи, чтобы подбирать раненыхъ на полѣ сраженія, прибылъ въ городъ до наступленія сумерекъ съ санитарными повозками и моторами. Они обосновались на большихъ дворахъ и въ комнатахъ стараго монастыря и поспѣшно работали, пока было свѣтло, а впослѣдствіи и въ темнотѣ, приготавливая все для слѣдующаго дня, когда ожидался притокъ раненыхъ. Эта партія докторовъ и сестеръ милосердія, санитаровъ и шофферовъ дѣлала прекрасное дѣло въ Бельгіи. Многіе изъ нихъ присутствовали при осадѣ Антверпена, гдѣ они оставались до тѣхъ поръ, пока раненыхъ не пришлось поспѣшно вывозить; другіе же, еще болѣе смѣлые, отступали изъ города въ городъ. За нѣсколько километровъ отъ вражескихъ войскъ я встрѣтилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Мало-ле-Банъ, гдѣ они снова собрались вмѣстѣ для того, чтобы отправиться въ Фюрнесъ. Они представляли для меня загадку. Въ летучемъ отрядѣ было нѣсколько дѣвушекъ, весьма практично одѣтыхъ въ куртки и рейтузы цвѣта хаки, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени женственныхъ по наружности и манерамъ. На первый взглядъ онѣ не произвели на меня впечатлѣнія женщинъ, отъ которыхъ можно было ожидать чего-нибудь дѣльнаго на полѣ битвы или въ полевомъ госпиталѣ. Мнѣ казалось, что имъ будетъ дурно при видѣ крови, и что онѣ упадутъ въ обморокъ, когда около нихъ разорвется снарядъ. По крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ были слишкомъ хороши собой, думалъ я, чтобы находить удовольствіе присутствовать на поляхъ битвъ среди людей и лошадей, превращаемыхъ въ кучу окровавленнаго мяса. Только позднѣе я убѣдился въ ихъ полезности и дивился душевному мужеству этихъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя, казалось, не только не боялись пушечнаго огня, но почти не сознавали его опасности и съ большей моральной силой, чѣмъ у мужчинъ, оказывали первую помощь раненымъ, ничѣмъ не обнаруживая волненія при видѣ тѣхъ страшныхъ зрѣлищъ, которыя могли вызвать трепетъ и въ самомъ сильномъ мужчинѣ.

8.

Мы выѣхали до полудня по извилистымъ улицамъ Фюрнеса, которыя были переполнены солдатами и телѣгами. На площади ратуши мы проѣхали среди толпы, окружавшей отрядъ въ полтораста плѣнныхъ нѣмцевъ, которые были только что доставлены съ фронта. Это было радостное зрѣлище для бельгійцевъ, которые такъ долго находились въ отступленіи передъ подавляющимъ по численности врагомъ. Это былъ знакъ того, что колесо фортуны начало поворачиваться. Въ скоромъ времени мы очутились въ открытой мѣстности, рядомъ съ Изерскимъ каналомъ. Кругомъ

все было мирно и тихо. Даже пушки, и тѣ смолкли, и плоскій пейзажъ съ длинными прямыми рядами тополей носилъ характеръ спокойствія при утреннемъ солнечномъ свѣтѣ. Казалось совершенно невѣроятнымъ, что только въ нѣсколькихъ километрахъ отсюда огромныя арміи вели другъ съ другомъ смертельную борьбу. Однако, такая мысль быстро исчезла. Духъ войны снова овладѣлъ нами благодаря сценкамъ на дорогѣ. Эскадронъ бельгійской кавалеріи ѣхалъ къ намъ навстрѣчу на усталыхъ лошадяхъ. Солдаты были грязны, какъ они всегда бываютъ на войнѣ, и съ изнеможенными лицами послѣ долгихъ лишеній. Но все же взгляды ихъ были тверды и рѣшительны, и они отдавали намъ честь, улыбаясь, когда мы проѣзжали мимо нихъ. Нѣкоторые изъ нихъ кричали намъ въ видѣ вопроса: „Anglais?“ Они, казалось, были изумлены и рады видѣть британскій санитарный отрядъ по пути къ фронту. Бельгійскіе пѣхотинцы съ ружьями черезъ плечо устало брели по улицамъ деревень, черезъ которыя мы проѣзжали. Во время одной изъ нашей остановокъ, когда мы ждали инструкцій отъ бельгійской главной квартиры, группа этихъ солдатъ сидѣла въ залѣ гостиницы и пѣла хоромъ любовную пѣсню. Молодой офицеръ качался изъ стороны въ сторону въ ритмъ пѣнью, помахивая своей папиросой. Онъ былъ раненъ въ руку выше кисти и зналъ ужасъ окоповъ, но на короткій срокъ онъ забылъ объ этомъ и былъ очень веселъ, такъ какъ онъ остался въ живыхъ.

Затрудненіе, которое мы испытывали, состояло въ томъ, что мы не знали куда намъ ѣхать. Сраженіе прошлой ночью занимало широкую площадь, но очень много раненыхъ было уже убрано съ поля битвы. Тамъ, гдѣ они еще лежали, артиллерійскій огонь непріятеля былъ такъ силенъ, что бельгійскіе санитарные отряды не могли приблизиться къ нимъ. Лейтенанта де-Броквиля серьезно просили не подвергать ненужному риску его маленькій отрядъ, особенно потому, что трудно было знать точное расположеніе непріятеля, пока не получатся донесенія отъ французовъ съ фронта.

Какъ и всегда бываетъ на войнѣ, солдаты, находившіеся рядомъ съ боевымъ фронтомъ, совершенно не знали, какъ идетъ сраженіе, и не знали расположенія обѣихъ сторонъ. Многие изъ офицеровъ и солдатъ, съ которыми мы говорили, не могли намъ сказать ни того, гдѣ стоятъ войска союзниковъ, ни того, гдѣ находился непріятель. Они даже не знали, въ чью пользу закончился вчерашній сильный бой, въ нашу ли, или въ пользу нѣмцевъ. Они думали, но не были вполне увѣрены въ этомъ, что непріятель былъ отброшенъ на много километровъ между Нипортомъ и Диксмюде.

Наконецъ, послѣ многихъ остановокъ и переговоровъ мы получили долгоожидаемый приказъ. Намъ просили отправиться въ Диксмюде, гдѣ было много раненыхъ.

Этотъ городъ находился приблизительно въ шестнадцати километрахъ отъ Фюрнеса. Отъ того мѣста, гдѣ мы остановились и завтракали, до него оставалось около восьми миль. Какъ видно,

до Диксмюде было недалеко, однако, когда мы приближались къ нему, и грохотъ огромныхъ пушекъ, безостановочно стрѣлявшихъ въ продолженіе послѣдняго часа, становился все явственнѣе, на встрѣчу намъ стали попадаться толпы женщинъ и дѣтей. Онѣ только теперь поняли, что смерть сторожить ихъ за угломъ, и что ихъ каменные домики представляютъ въ настоящее время плохую защиту, хотя во время мира они и служили имъ безопаснымъ убѣжищемъ отъ всѣхъ горестей жизни. Онѣ съ трудомъ поняли и долгое время не могли освоиться съ мыслью, что дома ихъ такъ же не надежны, какъ ип апиросная бумага подъ свинцовымъ дождемъ. Теперь онѣ покидали свои жилища и уходили подальше изъ-подъ выстрѣловъ. По дорогѣ быстро шли нѣмецкіе плѣнные среди конной стражи. Многие изъ нихъ были ранены, и у всѣхъ ихъ былъ дикій, голодный и испуганный взглядъ. Я видѣлъ дикій блескъ ихъ глазъ, когда они уставились на мой моторъ.

Когда мы повернули въ сторону, поле битвы находилось передъ нами, и мы были въ сферѣ огня. Далеко по полямъ разбросаны были деревни, съ городомъ Диксмюде вправо отъ насъ, въ разстояніи около двухъ километровъ. Изъ каждой деревни поднимался дымъ отдѣльнымъ столбомъ, который встрѣчался наверху съ дымомъ другихъ деревень и образовалъ огромную завѣсу въ видѣ тяжелой черной тучи. Каждый моментъ эта черная туча освѣщалась клубами необыкновенно яркаго голубоватаго какъ бы электрическаго свѣта, когда снаряды рвались въ воздухѣ. Затѣмъ свѣтъ постепенно тухнулъ, дымъ темнѣлъ и становился частью черной завѣсы. Изъ каждой деревни вылетали языки пламени, слѣдовавшіе за взрывами, которые сотрясали воздухъ зловѣщими и гулкими ударами.

Всюду на протяженіи пятнадцати километровъ гремѣла непрестанная канонада, и въ каждомъ селеніи стоялъ настоящий адъ. Деревни, расположенныя ближе къ непріятелю, ярко пылали. Я наблюдалъ за тѣмъ, какъ поднимались языки пламени и превращались въ огромные пылающіе костры, страшные, но прекрасные. Налѣво, совсѣмъ рядомъ съ нами, только на разстояніи одного километра работали бельгійскія батареи, и слышались ружейные выстрѣлы изъ траншей. Мы были между двухъ огней: бельгійскіе и нѣмецкіе снаряды съ пронзительнымъ воемъ пролетали надъ нашими головами. Непріятельскіе снаряды падали вблизи насъ, взрывая на поляхъ огромныя ямы. Мы могли слышать, какъ они разрывались и разбрасывали свои осколки, и могли видѣть, какъ они зарываются въ землю. Впереди насъ дорога была занята, такъ что намъ пришлось остановиться. Непріятельскій снарядъ упалъ какъ разъ наверхъ снаряднаго ящика. Четыре лошади были разорваны на куски, и остатки ихъ лежали на дорогѣ. Зарядный ящикъ былъ превращенъ въ пепелъ взрывомъ находившихся въ немъ снарядовъ. Бельгійскій солдатъ лежалъ, перебитый пополамъ большимъ кускомъ стали. Дальше по дорогѣ лежали еще двѣ мертвыя лошади въ лужахъ крови. Это было ужасное и подавляющее зрѣлище, отъ котораго я отвернулся съ со-

дроганьемъ. Но мы все-таки проѣхали, отбросивъ въ сторону куски мяса. Проѣхавъ дальше, мы оставили два мотора съ тремя нашими дамами. Онѣ должны были дожидаться здѣсь, пока мы не доставимъ имъ раненыхъ для перевозки въ Фюрнестъ. Два санитарныхъ мотора пошли впередъ вмѣстѣ съ нашимъ легкимъ автомобилемъ, въ которомъ находились лейтенантъ де-Броквиль и докторъ Монро. Мистеръ Глисонъ просилъ меня помогать ему при переноскѣ раненыхъ на носилкахъ.

Я думаю, что никто изъ насъ, отправляясь изъ Фюрнеса, не зналъ, что насъ ждало. По крайней мѣрѣ, я не предполагалъ, что насъ попросятъ идти въ самую пасть смерти. У меня была только смутная мысль, что Диксмюде окажется чутьку похуже того мѣста, гдѣ мы остановились для разспросовъ относительно расположенія городскихъ улицъ.

Это было мѣсто, которое заставило меня почувствовать внезапную дрожь, несмотря на то, что мои руки были влажны отъ пота. Мы остановились между группой домиковъ, гдѣ бельгійскіе солдаты жались тѣсно къ стѣнамъ амбаровъ. Нѣкоторые изъ домовъ уже были разбиты снарядами. Огромное зіяющее отверстіе было на одной изъ крышъ. Дорога была завалена кирпичемъ и штукатуркой, и по временамъ группа солдатъ разбѣгалась во всѣ стороны, когда сыпались кругомъ шрапнельныя пули. Вокругъ стоялъ адскій шумъ. Казалось, какъ будто мы стояли среди грохочущихъ пушекъ, изрыгающихъ пламя. Я былъ оглушенъ и немного ошеломленъ, но мои мысли были необыкновенно ясны. Я думалъ, между прочимъ, о томъ, когда я буду пораженъ одной изъ летящихъ пуль, подобно солдатамъ, которые лежали и стояли въ дверяхъ одного изъ домиковъ. По теоріи вѣроятностей это должно было случиться скоро.

Бельгійскій офицеръ, командующій этой ротой, былъ очень вѣжливъ и любезно улыбался. Только по внезапнымъ становамъ въ его рѣчи, когда у него захватывало дыханіе, можно было догадываться о его волненіи. Онъ объяснилъ намъ съ ненужными подробностями, какъ мнѣ казалось, какимъ образомъ мы могли попасть въ Дюксмюде, гдѣ было много раненыхъ. Онъ вытащилъ карту города, чтобы мы могли найти дорогу къ Hôtel de Ville, гдѣ лежали нѣкоторые изъ нихъ. Мы поблагодарили его и велѣли шофферамъ трогаться. Я былъ въ одномъ изъ санитарныхъ моторовъ, и Глисонъ сидѣлъ сзади меня среди носилокъ. Онъ говорилъ за моей спиной ровнымъ и спокойнымъ голосомъ о дѣлѣ, которое намъ предстояло. Я былъ радъ слышать этотъ спокойный голосъ, совершенно безразличный къ опасности.

Мы тронулись и мнѣ казалось, что мы еле полземъ, хотя, какъ я теперь думаю, мы двигались со значительной скоростью. Снаряды рвались вокругъ насъ со всѣхъ сторонъ. Шрапнельныя пули взрывали землю около насъ. Мнѣ казалось удивительнымъ, что мы еще живы.

Мы пріѣхали въ Диксмюде. Это былъ довольно большой городъ со многими прекрасными зданіями и красивыми старыми домами въ фламандскомъ стилѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ

говорили. Когда я увидалъ его впервые, это было мѣсто смерти и ужаса. Улицы, по которымъ мы ѣхали, были пусты и разрушены съ начала до конца какъ бы землетрясеніемъ. Кругомъ слышны были непрерывные взрывы снарядовъ, съ трескомъ падавшихъ на еще уцѣлѣвшія стѣны. Огромныя зіяющія отверстія появлялись въ стѣнахъ, которыя затѣмъ колебались и падали. Крыша одного дома свалилась внизъ съ оглушительнымъ шумомъ. Подобно карточному домику, упавшему при порывѣ вѣтра, маленькій магазинъ обрушился и обратился въ груды развалинъ. Въѣхавъ дальше въ городъ, мы видѣли кое-гдѣ фигуры живыхъ людей. Они быстро бѣжали нѣсколько мгновеній и затѣмъ исчезали въ мрачныхъ пещерахъ подъ падающими фасадами. Это были бельгійскіе солдаты.

Мы теперъ были на боковой улицѣ, ведущей къ площади, гдѣ находилась ратуша. Казалось совершенно невозможнымъ проѣхать по этой улицѣ благодаря массѣ обломковъ, лежавшихъ на мостовой.

— Постарайтесь проѣхать,—сказалъ докторъ Монро, который сидѣлъ рядомъ съ шофферомъ.

Мы проѣхали, перескочивъ высокую груды обломковъ, и затѣмъ повернули на площадь. Она была значительныхъ размѣровъ, и ратуша, или то, что осталось отъ ратуши, занимало одну изъ сторонъ площади. Отъ ратуши уцѣлѣла только прекрасная скорлупа, скелетъ благороднаго зданія, которое было гордостью фламандскихъ строителей. Даже тогда, когда мы повернули къ ней, части ея падали на развалины, уже лежавшія на землѣ. Я видѣлъ, какъ огромная колонна наклонилась на сторону и затѣмъ обрушилась. Масса камня и штукатурки полетѣла сверху. Нѣсколько неподвижныхъ темныхъ фигуръ лежало среди упавшихъ камней. Это были мертвые солдаты. Я взглянулъ на нихъ только мелькомъ, потому что мы искали живыхъ людей. Моторы остановились у зданія ратуши, и мы сошли на землю. Я закурилъ папиросу и видѣлъ, что двое моихъ спутниковъ вынимали спички для той же цѣли. Намъ нужно было подкрѣпить себя хоть чѣмъ-нибудь. Не было ни одного мгновенья, чтобы снарядъ не рвался на площади около насъ. Шрапнельныя пули молотили по камнямъ. Непріятель направилъ орудія на Hôtel de Ville и посылалъ свои снаряды съ ужасающей точностью на обѣ стороны ратуши. Я взглянулъ на пылающее пожарище въ правой части зданія. Тамъ было удивительно жарко, но въ тотъ моментъ я не испытывалъ никакого тепла.

Докторъ Монро и лейтенантъ де-Броквилъ пошли по лѣстницѣ ратуши, сопровождаемые мною и другимъ санитаромъ. Глисонъ уже спустилъ съ мотора свои носилки. Онъ слегка улыбался.

Французскій офицеръ и двое солдатъ стояли подъ разбитой аркадой входа, между упавшими колоннами и орнаментами. На разстояніи ярда отъ нихъ лежалъ мертвый солдатъ, красивый молодой человѣкъ, съ правильными чертами лица, обращеннаго по направленію къ провалившейся крышѣ. Струйка крови запек-

лась вокругъ его головы, но не коснулась его прекраснаго лица. Рядомъ лежалъ другой мертвецъ, свернувшись клубкомъ. Его лица не было видно.

— Есть здѣсь раненые, мосе?—спросилъ нашъ молодой лейтенантъ.

Французскій офицеръ заговорилъ возбужденно. Онъ былъ храбрый человекъ, но не могъ скрыть ужаса, охватившаго его душу, такъ какъ онъ давно уже ждалъ смерти, которая была рядомъ съ нимъ, но до сихъ поръ не касалась его. По его словамъ выходило, что въ погребѣ внизу, среди мертвыхъ, было нѣсколько раненыхъ. Онъ былъ бы намъ очень признателенъ, если бы мы спасли ихъ.

Мы стояли на ступеняхъ, смотря внизъ въ этотъ погребъ. Это была черная яма, освѣщенная только тусклымъ фонаремъ. Я замѣтилъ тамъ нѣсколько человѣческихъ тѣлъ. Двое, еще раненыхъ солдатъ вытащили оттуда троихъ товарищей и передали намъ. Время, въ продолженіе котораго мы переносили этихъ трехъ человекъ въ моторъ, казалось намъ вѣчностью. Въ дѣйствительности прошло не больше пятнадцати, двадцати минутъ, когда ихъ уложили, какъ слѣдуетъ. Въ теченіе этого времени докторъ Монро ходилъ задумчиво по площади, подобно поэту, размышляющему о любви или о цвѣтахъ въ маѣ мѣсяцѣ. Лейтенантъ де-Броквиль спрашивалъ о раненыхъ въ другихъ домахъ. Я помогалъ одному изъ санитаровъ переносить раненыхъ. Что дѣлали другіе, я не знаю, я только помню, что спокойное лицо Глисона произвело на меня сильное впечатлѣніе. Я потерялъ сознание о себѣ. Что-то, какъ казалось, внѣ меня говорило, что теперь нѣтъ спасенія, что чудовищно было бы думать, что все эти рвущіеся вокругъ насъ снаряды не раздробятъ въ куски мотора и не прикончатъ страданій раненыхъ, и что смерть отвратительна. Я помню также мысль о томъ, какъ смѣшно убивать другъ друга такимъ образомъ и дѣлать изъ жизни такой адъ.

— Первый моторъ можетъ теперь тронуться обратно,—сказалъ лейтенантъ де-Броквиль.

Я былъ въ первомъ моторѣ вмѣстѣ съ Глисономъ. Мы нагрузили нашу машину полнымъ грузомъ раненыхъ и почему-то все еще медлили. Я высунулъ голову и сказалъ шофферу, чтобы онъ трогался. Въ это время, какъ разъ, прапнельная пуля пролетѣла надъ моей головой и, ударившись о кусокъ желѣза, упала къ моимъ ногамъ. Я подобралъ ее и положилъ въ карманъ, Богъ знаетъ почему, такъ какъ я въ то время вообще не былъ расположенъ искать сувениры. Мы отправились въ обратный путь опять по этимъ ужаснымъ улицамъ.

— Очень жарко,—сказалъ одинъ изъ насъ. Я думаю, это былъ шофферъ. Кто-то другой задалъ вопросъ, пройдемъ ли мы безопасно въ Фюрнесъ.

Никто не отвѣтилъ на этотъ вопросъ. Наши раненые лежали очень спокойно. Кругомъ гремѣла непрестанная канонада, и слышался грохотъ падающихъ домовъ. Теперь начали работать пулеметы, разбрызгивая пули. Трескъ ихъ казался ужаснѣе взры-

вовъ снарядовъ. Я повернулся и увидалъ свади нашего мотора другой моторъ съ ранеными. Я не видалъ мотора, въ которомъ былъ де-Броквилъ. По проселочной дорогѣ поля все еще вспахивались снарядами, разрывавшимися надъ нашими головами. Мы опять сдѣлали остановку тамъ, гдѣ солдаты прятались подъ стѣнами домовъ. Теперь тутъ осталось только немного стѣнъ, и внутри уцѣлѣвшихъ домовъ находилось много раненыхъ. Ихъ товарищи старались оказать имъ первую помощь и вытирали кровь съ ихъ глазъ. Мы ухитрились взять съ собой нѣсколькихъ изъ нихъ. Они были безпокойнѣе тѣхъ, что мы захватили въ Диксмюде, и стонали разрывающимъ сердце образомъ.

Затѣмъ мы сдѣлали горестное открытіе, лейтенантъ де-Броквилъ, нашъ храбрый вождь, пропалъ. Благодаря какому-то ужасному недоразумѣнію онъ не занялъ мѣста ни въ одномъ изъ санитарныхъ автомобилей, ни въ легкомъ моторѣ. Никто изъ насъ не понималъ, что съ нимъ случилось. Мы всё думали, что онъ сѣлъ въ экипажъ какъ и всѣ остальные, послѣ того какъ онъ отдалъ приказъ трогаться. Всѣ мы смотрѣли въ смущеніи другъ на друга. Оставалось только одно, возвратиться и найти его. Однако, въ продолженіе получаса, съ тѣхъ поръ какъ мы выѣхали изъ Диксмюде, городъ весь былъ охваченъ пламенемъ и представлялъ огромный пылающій костеръ. Если де-Броквилъ остался тамъ, ему не было спасенія.

Глисонъ и еще одинъ санитаръ храбро вызвались возвратиться и искать нашего вождя. Они сѣли въ легкій автомобиль и поспѣшно тронулись обратно въ горящій городъ.

Санитарные моторы двинулись въ путь со своимъ грузомъ раненыхъ, а я былъ оставленъ въ легкомъ моторѣ съ одной изъ дамъ, тогда какъ докторъ Монро старался облегчить страданія раненаго, находившагося на порогѣ смерти. Со мной осталась та дѣвушка, которую я видѣлъ до войны на лужайкѣ, около стараго англійскаго замка. Она была въ большомъ безпокойствѣ относительно судьбы де-Броквиля и ужасно боялась за трехъ нашихъ товарищей, уѣхавшихъ за нимъ. Мы повернули обратно по дорогѣ въ Диксмюде и выбрали еще одного раненаго, оставленнаго въ хижинѣ при дорогѣ. Къ этому времени пять селеній пылало во мракѣ и несмотря на страшную неопредѣленность нашего положенія, мы не могли не любоваться дьявольской красотой этого зрѣлища. Докторъ Монро присоединился къ намъ, и послѣ совѣщанія мы рѣшили добраться какъ можно ближе къ Диксмюде, въ случаѣ, если наши товарищи придутъ безъ автомобиля или ранеными.

Вражеская бомбардировка была теперь ужасающей. Всѣ пушки непріятели были сосредоточены на Диксмюде и окружавшихъ его окопахъ. Я стоялъ цѣлый часъ во мракѣ, прислонившись къ стѣнѣ конюшни, прислушиваясь къ страшнымъ ударамъ и не ожидая остаться въ живыхъ. Внутри конюшни солдаты спали на соломѣ, не обращая вниманія на то, что каждый моментъ снаряды могли пробить крышу и погрузить ихъ въ вѣчный непро-

будный сонъ. Часть показался мнѣ вѣчнымъ. Наконецъ, мы увидели свѣтъ фонаря и насъ окликнули по-англійски.

Два нашихъ товарища вернулись обратно. Они подѣхали къ самому Диксмюде, но не могли проникнуть дальше благодаря пожарамъ и артиллерійскому огню. Они тоже ждали тамъ часъ, но не видали де-Броквиля. Казалось несомнѣннымъ, что онъ погибъ, и такъ какъ больше ничего нельзя было сдѣлать, мы печально повернули обратно въ Фюрнесъ.

У воротъ монастыря стояло нѣсколько бельгійскихъ санитарныхъ автомобилей, которые прибыли съ другой части фронта съ ранеными. Я помогъ вытащить одного изъ нихъ, сгибаясь подъ тяжестью носилокъ. Другой раненый охватилъ рукой мою шею и затѣмъ съ ужаснымъ крикомъ лишился чувствъ, такъ что я долженъ былъ держать его со всей своей силой. Третій, со страшной раной на головѣ, вошелъ почти безъ помощи другихъ въ операционную комнату. Глисонъ и я провели его туда, чуть придерживая его. На слѣдующее утро онъ лежалъ мертвымъ на небольшой кучѣ соломы въ углу двора.

Я сѣлъ за ужинъ, но не думалъ, что я буду въ состояніи ѣсть. Я чувствовалъ странное возбужденіе и дрожь во всемъ своемъ тѣлѣ послѣ всѣхъ приключеній этого дня. Казалось весьма страннымъ сидѣть за столомъ и видѣть вокругъ веселыя лица. Но лица нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ были не веселы. Тѣ изъ насъ, которые знали о судьбѣ де-Броквиля, сидѣли молча за своимъ супомъ.

Вдругъ неожиданно раздалось рѣзкое восклицаніе удивленія, и лейтенантъ де-Броквиль быстро вошелъ живой и невредимый. Это казалось чудомъ.

Такъ оно почти и было. Онъ оставался въ этомъ аду нѣсколько часовъ послѣ нашего отъѣзда изъ Диксмюде. Онъ потерялъ насъ, когда спустился въ погребъ для того, чтобы спасти оттуда еще одного раненаго, совсѣмъ забывъ, что онъ приказалъ намъ тронуться въ путь. Тамъ онъ и оставался среди зданій, падающихъ вокругъ него, пока непріятельскій огонь не замеръ на короткое время. Онъ успѣлъ спасти своего раненаго, для котораго онъ нашелъ мѣсто въ бельгійскомъ санитарномъ автомобилѣ около города, и пошелъ пѣшкомъ по дорогѣ въ Фюрнесъ. Мы пожимали ему руки и были благодарны судьбѣ за его спасеніе.

10.

На другой день рано утромъ я отправился опять въ Диксмюде съ санитарами, принадлежавшими къ летучей колоннѣ. Можно было съ увѣренностью сказать, что тамъ еще оставались раненые, если только они пережили ту ночь ужасовъ, во время которой они лежали въ погребѣхъ или подъ ненадежной защитой полуразрушенныхъ стѣнъ. Возможно также, что тамъ были недавно раненые, потому что раньше восхода солнца туда была послана бельгійская пѣхота съ пулеметами занять улицы на окраинѣ, въ

то время какъ нѣмецкая пѣхота заняла другія улицы или то, что было ими взято, такъ что пули такъ и сыпались дождемъ по разрушенному городу. Артиллерійская стрѣльба почти прекратилась. Надъ бельгійцами рвалось только небольшое количество снарядовъ, хотя вполне достаточное для того, чтобы громовые раскаты слышались почти непрерывно. Когда мы доѣхали до угла, гдѣ мы ожидали вчера де-Броквиля, одинъ изъ снарядовъ разорвался совсѣмъ рядомъ съ нами и вырылъ большую яму въ полѣ, за дорожной канавой. Мы шли гораздо быстрѣе въ пустыхъ автомобиляхъ, чѣмъ прошлый разъ. Когда мы въѣхали въ улицы Диксмюде, дома представляли изъ себя какъ бы сплошное царство огня, горящаго безъ пламени, наподобіе раскаленныхъ углей. Они представляли изъ себя только полуразрушенные остовы безъ крышъ и половъ, такъ какъ все, кромѣ стѣнъ и немногихъ обугленныхъ балокъ, было уничтожено страшнымъ пожаромъ. По временамъ перегорѣвшія балки обрушивались и падали съ трескомъ въ массу раскаленныхъ углей, поднимая за собой фонтанъ искръ. Тѣмъ не менѣе кое-гдѣ между массой безформенныхъ руинъ, пощаженные артиллерійской бомбардировкой, стояли совершенно неповрежденные зданія. Одна улица, по которой мы ѣхали, сохранилась до такой степени, что я едва могъ повѣрить своимъ глазамъ, послѣ того, какъ я смотрѣлъ вчера на пылающій факелъ, называемый „Диксмюде“. Все же и здѣсь оконныя рамы накалились до того, что стекла падали на каменные мостовыя со звонкимъ трескомъ. Когда мы слѣдовали дальше, градъ шрапнели вдругъ ударилъ на одну сторону улицы, и пули посыпались какъ горохъ на мостовую. Здѣсь собралось нѣсколько солдатъ возлѣ двухъ раненыхъ, одинъ изъ нихъ задѣтый легко, а другой, французскій морской солдатъ на краю смерти, лежавшій неподвижно съ землистымъ лицомъ, запачканнымъ кровью. Мы выбрали ихъ и положили въ санитарный автомобиль, при чемъ умирающій застоналъ, когда мы положили его на носилки.

Бельгійскіе солдаты, пришедшіе въ городъ на разсвѣтѣ, стояли около нашихъ моторовъ, какъ будто бы наше общество давало имъ успокоеніе. Они не говорили много, но смотрѣли на насъ серьезными задумчивыми глазами людей, уставшихъ отъ всего этого горя, но не имѣвшихъ возможности бѣжать отъ него. Все это были молодые люди съ небритой щетиной свѣтлыхъ волосъ на ихъ лицахъ и въ грязи, несмываемой уже много дней.

— Vous êtes très aimable ¹⁾, — сказалъ одинъ изъ бельгійцевъ, которому я предложилъ папиросу. Онъ взялъ ее дрожащей рукой и поднялъ голову, когда градъ шрапнели снова посыпался на улицу.

— C'est l'enfer... Pour trois mois je reste sous feu. C'est trop, n'est-ce pas? ²⁾ — сказалъ онъ торопливо.

Но у насъ не было времени для разговоровъ о войнѣ и ея

¹⁾ „Вы очень любезны“.

²⁾ „Это адъ... Три мѣсяца я остаюсь подъ огнемъ. Это слишкомъ, неправда ли?“

дѣйствию на человѣческую душу. Нѣмецкія пушки заговорили снова, и намъ слѣдовало спѣшить, если мы хотѣли подобрать раненныхъ.

— Много здѣсь раненныхъ?—спросилъ нашъ начальникъ.

Одинъ изъ солдатъ указалъ ему домъ, на которомъ была вывѣска трактира.

— Ихъ помѣстили вонъ туда,—сказалъ онъ.—Я помогаль ихъ переносить.

Мы направились къ этому дому, обходя груды развалинъ на улицѣ, гдѣ, къ моему изумленію, двѣ старыхъ женщины что-то искали въ кучахъ обломковъ, оставшихся отъ ихъ домовъ. Онѣ оставались въ Диксмуде во время ужасной бомбардировки, спрятавшись въ какой-то погребъ, и теперь вышли оттуда въ своихъ почтенныхъ черныхъ платьяхъ посмотрѣть на то, что было уничтожено. Казалось, что онѣ ищутъ что-то маленькое, что не легко найти среди кучъ обожженныхъ камней и скрученныхъ полосъ желѣза. Одна изъ старухъ покачала печально своей головой, какъ бы говоря: „Боже мой, нѣтъ, я не могу найти“. Я недоумѣвалъ, ищутъ ли онѣ какую-нибудь семейную фотографію... или пепель сгорѣвшаго ребенка. Можно было предположить и то, и другое, такъ какъ многіе изъ бельгійцевъ дошли до того состоянія, когда смерть не составляетъ большей важности, чѣмъ какая-нибудь незначительная потеря. Разверзлись небо и земля, проглотивъ сразу весь ихъ маленькій мірокъ въ одномъ дьявольскомъ разрушеніи. Они потеряли чувство пропорціи повседневной жизни въ этомъ сумасшедшемъ мірѣ.

Въ трактирѣ находился бельгійскій врачъ съ солдатами, помогавшими ему, и дюжина раненныхъ на соломѣ, на каменномъ полу. Одинъ изъ раненныхъ сидѣлъ на стулѣ, и докторъ перевязывалъ ему ногу, которая была похожа на кусокъ сырого мяса, обглоданнаго собаками. На соломѣ что-то двигалось и издавало страшные стоны. Молодой солдатъ, почти мальчикъ, прислонился къ стѣнѣ, пригнувши колѣна къ подбородку и закрывъ лицо грязными руками, чрезъ которыя капали слезы. Его голова была обвязана бинтомъ, мокрымъ отъ крови. Около меня лежали два неподвижныхъ и какъ бы безжизненныхъ тѣла, но когда я наклонился надъ ними, я услышалъ ихъ тяжелое дыханіе и хрипъ. Другіе, раненные болѣе легко, смотрѣли на насъ какъ животныя, безъ всякаго любопытства, съ ужасающей покорностью въ ихъ глазахъ, которая какъ бы говорила: „Теперь для насъ все безразлично. Ни голодъ, ни жажда, ни боль—ничего не значать. Мы живы, но духъ нашъ мертвъ“.

Докторъ не позволилъ намъ увести его раненныхъ. Нѣмецкіе снаряды опять стали сыпаться тяжелымъ дождемъ на окраинахъ города, черезъ которыя мы должны были проѣхать на нашемъ обратномъ пути. Въ трактиръ приходитъ офицеръ сказать, что нѣмцы стрѣляютъ по желѣзнодорожному переѣзду для того, чтобы не дать пройти бельгійскимъ санитарнымъ моторамъ. Лучше подождать нѣкоторое время. Нелѣпо подвергаться ненужному риску.

Откровенно признаюсь, я горѣлъ желаніемъ уѣхать возможно скорѣе съ ранеными. Снарядъ разорвался надъ зданіями на противоположной сторонѣ улицы. Когда я стоялъ около трактира, наблюдая за двумя солдатами, посланными привести двухъ раненыхъ, лежавшихъ въ другомъ домѣ, я видѣлъ, какъ они юркнули въ дверь, чтобъ спастись отъ града шрапнели, который замолотилъ по мостовой возлѣ нихъ. Черезъ нѣсколько времени они пошли по улицѣ, кидаясь изъ стороны въ сторону, какъ пьяные, и, наконецъ, я увидѣлъ, какъ они брели обратно къ намъ со своими ранеными товарищами, охватившими руками шеи своихъ избавителей... Я пошелъ помочь имъ, но не скажу, чтобы мнѣ нравилась психологія этой улицы, гдѣ смерть играла съ людьми, преслѣдуя ихъ по пятамъ.

Я помогъ нагрузить одинъ изъ автомобилей и отправился обратно въ Фюрнесъ, сидя рядомъ съ шофферомъ, но повернувшись назадъ, съ тѣмъ, чтобы держать одинъ изъ шестовъ носилокъ, который порывался вылѣзть изъ своихъ петель, въ какомъ случаѣ раненый, лежавшій на холстѣ, упалъ бы на другого раненаго, лежавшаго внизу.

— *Ça y est*, — сказала мой пріятель шофферъ весьма бодро. Онъ былъ джентльменъ-доброволецъ со своимъ собственнымъ автомобилемъ и имѣлъ видъ моряка въ круглой морской шапкѣ и синей курткѣ. Кажется, онъ плохо зналъ французскій языкъ, но мнѣ нравилось его „*Ça y est*“, когда онъ поднималъ носилки своими привычными руками и помѣщалъ окровавленные тѣла на верхъ своего мотора съ безконечной осторожностью съ тѣмъ, чтобы не потревожить толчкомъ сломанные кости.

У одного изъ солдатъ, лежавшихъ за нами, нога была разбита въ двухъ мѣстахъ. Когда мы ѣхали по улицамъ, заваленнымъ огромными камнями и обломками разрушенныхъ домовъ, онъ все время кричалъ голосомъ, полнымъ муки:

— *Pas si vite! Pour l'amour de Dieu... Pas si vite* ¹⁾.

Не такъ скоро! Но когда мы выѣхали изъ обгорѣвшихъ улицъ къ желѣзнодорожному переѣзду, нужно было ѣхать какъ можно скорѣе. Снаряды все время падали на поля совсѣмъ рядомъ съ нами. Одинъ изъ нихъ вырылъ огромную яму на дорогѣ въ двадцати ярдахъ отъ насъ. Другой разорвался сейчасъ же за нами. Я жаждалъ скорости инстинктивно. Я хотѣлъ мчаться по этой дорогѣ и очутиться скорѣе внѣ сферы огня. Но шофферъ въ синей курткѣ, слыша эти ужасные крики, раздававшіеся за нимъ, замедлилъ ходъ машины, и автомобиль чуть двигался.

— Бѣдняга, — сказалъ онъ. — Воображаю, что онъ чувствуетъ, когда куски сломанной кости трутся одинъ о другой. Каждый толчокъ для него адское мученіе.

Мы пошли еще медленнѣе, шагомъ погребальной колесницы, и шофферъ сказалъ, обернувшись назадъ:

— *Ça y est, mon vieux... Bon courage* ¹⁾.

¹⁾ „Не такъ скоро, ради Бога, не такъ скоро!“

¹⁾ „Такъ, старина... Не унывай!“

Впослѣдствіи этотъ храбрый и достойный джентльменъ былъ самъ раненъ и былъ положенъ въ тотъ автомобиль, которымъ онъ часто правилъ, съ зазубреннымъ кускомъ стали въ его ногѣ и съ двумя кусками перебитой кости, которые терлись одинъ о другой во время толчковъ экипажа. Но когда его вынимали, онъ подавилъ стонъ и попрежнему бодро воскликнулъ: „Ç’a у est!“

11.

Въ продолженіе двухъ слѣдующихъ дней монастырь въ Фюрнесѣ все время былъ переполненъ ранеными. Весь день и поздно ночью ихъ привозили съ поля битвы бельгійскіе санитарные моторы, и едва ли проходилъ хотя бы одинъ часъ безъ стука въ большія деревянныя ворота во дворъ, которыя широко отворялись, чтобы впустить еще одинъ грузъ окровавленныхъ человѣческихъ тѣлъ.

Бельгійцы все еще удерживали послѣдній оставшійся у нихъ клочекъ родины, нѣсколько полей и деревень между французской границей и Диксмюде съ храбростью, которая войдетъ безъ сомнѣнія въ списокъ героическихъ дѣяній, записанныхъ исторіей. Въ теченіе послѣднихъ чиселъ октября, сражаясь почти одни — англичанъ здѣсь совсѣмъ не было, а французы прислали только нѣсколько баттарей съ двумя полками морскихъ солдатъ — они снова завладѣли небольшимъ клочкомъ своей родины и сбили врага съ позицій, которыя онъ занялъ. Несмотря на нѣмецкія атаки падающей силы вдоль берега между Вестенде и Остенде и по дугѣ вокругъ Диксмюде, протяженіемъ около тридцати километровъ, эти бельгійскіе солдаты, усталые благодаря мѣсяцамъ непрестанной борьбы, съ полками, откуда выбыла большая часть людей, и съ бѣдными остатками своей дезорганизованной арміи, не только твердо стояли на своихъ позиціяхъ, но нанесли неприятелю тяжелыя потери и захватили четыреста плѣнныхъ. На нѣсколько часовъ нѣмцамъ удалось переправиться черезъ Изеръ, такъ что они угрожали генеральной атакой бельгійскому фронту. Передъ Нипортомъ ихъ окопы были только въ пятидесяти метрахъ отъ бельгійскихъ, и въ ночь на 22 октября они ходили восемь разъ въ штыки съ тѣмъ, чтобы пробить себѣ путь дальше.

Имъ не удалась ни одна атака на позиціи бельгійцевъ, которые оставались въ своихъ окопахъ, несмотря на кровь, лужи которой все увеличивались подъ ихъ ногами, и на трупы, которые горами лежали вокругъ нихъ. Живые и мертвые образовали преграду, которой не удалось сокрушить врагамъ. Непрестанный свинцовый дождь бельгійскихъ пулеметовъ и ружей косилъ нѣмцевъ, когда они приближались въ тѣсныхъ колоннахъ, такъ что въ теченіе этихъ восьми разъ неприяТЕЛЬскія атаки были отбиты и отброшены назадъ. Нѣмцы падали подобно листьямъ, которые тогда носилъ по полямъ осенній вѣтеръ, и усыпали своими тѣлами все пространство между окопами. Нѣкоторые изъ ихъ убитыхъ были совсѣмъ молодые люди, бѣдные

юноши шестнадцати и восемнадцати лѣтъ изъ нѣмецкихъ гимназій и университетовъ, сыновья знатныхъ и богатыхъ семей, принятые въ качествѣ добровольцевъ прусскими повелителями армій, безразличными къ человѣческой жизни въ ихъ отчаянной игрѣ съ судьбой. Нѣсколько этихъ мальчиковъ, тяжело раненные, были привезены въ госпитали Фюрнеса. Одинъ изъ нихъ, доставленный во дворъ монастыря, улыбался, лежа на носилкахъ, и очень вѣжливо говорилъ на плохомъ французскомъ языкѣ съ англичанкой, которая наклонилась надъ нимъ съ той жалостью, съ какой дѣвушки видятъ раненую птичку. Онъ, казалось, былъ радъ, что отдѣлался такъ дешево, такъ какъ онъ былъ раненъ только въ ногу, что должно было оставить его хромымъ на всю жизнь. Онъ былъ очень радъ, что совсѣмъ избавился отъ всѣхъ ужасовъ окоповъ на нѣмецкой сторонѣ Изера. Едва ли можно было называть врагомъ этого мальчика. Онъ былъ только невинной жертвой, захваченной дьявольской силой и брошенный на произволъ судьбы, какъ только въ немъ миновала надобность. Жалость, испытываемая въ присутствіи одного изъ такихъ искалѣченныхъ существъ, не приходитъ въ душу людей на поляхъ битвы, гдѣ нѣтъ отдѣльной индивидуальности, но только дикій конфликтъ невидимыхъ силъ, безчеловѣчныхъ какъ удары молніи или какъ разрушительный гнѣвъ древнихъ боговъ. Сердца солдатъ тамъ наполнены ненавистью, основаніемъ которой является страхъ. Тамъ ликуютъ при видѣ снаряда, разорвавшагося надъ батареей врага и радуются при мысли о смерти, которую приносить это облачко дыма. Но я видѣлъ, что такой враждебности совсѣмъ не встрѣчается въ присутствіи отдѣльнаго врага или толпы плѣнныхъ. Остается только изумляться ужасу того преступленія, которое заставляетъ людей убивать одинъ другого безъ всякаго желанія съ ихъ стороны, но по указанію силъ, далеко стоящихъ отъ ихъ жизненныхъ интересовъ и имъ неизвѣстныхъ.

12.

Монастырскій дворъ въ Фюрнесѣ будетъ всегда памятенъ мнѣ, какъ арена чудовищной драмы.

По временамъ, стоя тамъ въ одиночествѣ и темнотѣ около санитарнаго мотора, я смотрѣлъ вверхъ на звѣзды, и задавался вопросомъ, что думаетъ обо всемъ этомъ Богъ, если предположить, что въ старыхъ вѣрованіяхъ челоѣчества имѣется хоть сколько-нибудь правды. Хорошенькую штуку сдѣлали мы смертные изъ жизни! Я почти что хохоталъ при мысли объ ироніи всего этого, если бы не боялся, что мой смѣхъ застрянетъ у меня въ горлѣ, и со мной сдѣлается истерика. Люди были звѣрями и даже хуже звѣрей, калѣча и уродуя другъ друга безъ всякой ненависти въ сердцахъ, повинуюсь глупой и ложной мысли, что массы ихъ должны кинуться другъ на друга для того, чтобы рѣзать, стрѣлять и жечь, по приказу тѣхъ, кто были ихъ величайшими врагами—министровъ съ холоднымъ и расчетливымъ

умомъ, безчеловѣчныхъ повелителей армій, которые видѣли въ битвѣ шахматную игру въ большомъ масштабѣ. Такимъ то думамъ предавался я, маленькое ничтожное насѣкомое, на темномъ полушаріи земли подъ вѣчнымъ небомъ, и чтобы прогнать эти глупыя раздражающія мысли, принимался за дѣло, которое обыкновенно заключалось въ томъ, чтобы нести носилки съ окровавленной ношей или же подставить плечо высокому солдату, который упирался на него и, ковыляя, шель въ открытую дверь, которая вела къ операціонному столу или къ свободной кровати, гдѣ онъ могъ умереть, если счастье измѣняло ему.

На дворѣ всегда была суета и движеніе въ тѣ часы, когда къ намъ прибывали автомобили съ грузомъ извлеченныхъ изъ-подъ огня. Фонари бросали въ темнотѣ полосы ослѣпительнаго свѣта, когда моторы поворачивали въ крутую и узкую улицу, ведущую къ монастырскимъ воротамъ, между двумя высокими и толстыми стѣнами и, затѣмъ, со скрипѣньемъ и гудѣньемъ въѣзжали во дворъ къ другимъ моторамъ, уже стоявшимъ молчаливо на покой. Голоса шофферовъ лондонцевъ перекликались между собой:

— Чортъ васъ побери, Билль... Не можете вы что ли повернуть? Господи помилуй, какъ я могу въѣхать сюда?

Во дворъ вышли женщины. Свѣтъ фонарей коснулся ихъ бѣлыхъ повязокъ, и ихъ голоса заговорили тихо:

„Много вы привезли на этотъ разъ?“... „У насъ едва ли найдется свободное мѣсто“... „Это ужасно! Намъ приходится пользоваться носилками вмѣсто кроватей“... „Сегодня трое умерло“.

Затѣмъ слѣдовало молчаніе или шопотъ санитаровъ, рассказывавшихъ о своихъ приключеніяхъ дѣвушка въ рейтузахъ цвѣта хаки, которая стояла, засунувъ одну руку въ карманъ своей куртки и держа во рту папиросу, освѣщавшую ея щеку и волосы.

— Всѣ цѣлы?... Счастливо вышло на этотъ разъ!

— O mon Dieu! O, gré nom! O! O!

Это былъ крикъ агоніи, усилившійся до потрясающаго, заставлявшаго стынуть кровь, вопля:

— O Jésus! O! O!

Приучить свое ухо къ этимъ страшнымъ крикамъ было невозможно. Они пронизывали ужасомъ душу. Можно было только стоять, сжавъ до боли свои руки, въ этой темной камерѣ пытокъ, среди высокихъ стѣнъ и съ невидимыми призраками, дико кричащими изъ пучины мрака.

Крики раненыхъ смолкли и превратились въ глухіе слабые стоны.

Возлѣ мотора послышался заглушенный смѣхъ.

— Горячо?... Я думаю, что было горячо! Но мы выбрали раненыхъ и проѣхали мостъ благополучно... Снаряды падали около насъ со всѣхъ сторонъ... Я таки порядочно перетрусилъ, можете быть въ этомъ увѣрены... По правдѣ говоря, это уже было чересчуръ!

Опять молчаніе. Затѣмъ послышался чей-то голосъ, говорившій спокойно съ другого конца двора:

— Не поможетъ ли мнѣ кто-нибудь! Нужно вынести тѣло.

Я помогаль выносить мертвыхъ, какъ каждый изъ насъ помогаль во всякой работѣ, если его руки были свободны въ данный моментъ. Въ этомъ заключалось спасеніе разсудка и самоуваженія каждаго изъ насъ. Все же мнѣ, болѣе чувствительному, чѣмъ слѣдуетъ, войти въ ту комнату, гдѣ лежали раненые и подойти къ мертвецу, черезъ ряды умирающихъ, стоило большихъ усилій. Какъ много ихъ умирало, переночевавъ въ нашей гостиницѣ! Все искусство и ловкость врачей не могли зачинить нѣкоторыя изъ этихъ тѣлъ, страшно разорванныхъ нѣмецкими снарядами. Запахъ сырой и грязной одежды, запекшейся крови и омертвѣлыхъ членовъ, іодина и хлороформа, рвоты и предсмертнаго пота производили на меня одуряющее дѣйствіе. Я старался не дышать, задерживая свое дыханье, чтобы меня не вырвало. Я старался смотрѣть внизъ на полъ, чтобы не видѣть зрѣлища этихъ обезображенныхъ лицъ, выбитыхъ глазъ и разорванныхъ тѣлъ, лежавшихъ съ обѣихъ сторонъ возлѣ меня на кроватяхъ или на носилкахъ, поставленныхъ на полу между кроватями. Я старался не слышать звуковъ, наполнявшихъ эту комнату страшнаго хрипѣнья умирающихъ, длительныхъ стоновъ людей, испытывающихъ дьявольскую боль, дикаго бреда, охваченныхъ лихорадкой, кричавшихъ, какъ маленькія дѣти: „тамап! О, тамап!“ или повторявшихъ безъ конца какое-нибудь сердитое возраженіе далекому товарищу. Но все же, несмотря ни на что, картины, звуки и запахи завладѣвали моими чувствами. Я долженъ былъ видѣть, слышать и дышать воздухомъ смерти и разрушенія. Въ продолженіе цѣлыхъ часовъ впослѣдствіи меня преслѣдовало мертвенное лицо какого-нибудь молодого солдата, лежавшаго полуобнаженнымъ на кровати въ то время, какъ сестры промывали и перевязывали его ужасныя раны. Какая трата людей! Какое обезображиваніе юношеской красоты! Бородатые солдаты лежали здѣсь въ спокойствіи, которое говорило о приближающейся смерти. Они были такіе сильные и крѣпкіе люди, обрабатывавшіе свои фламандскія поля и жившіе со спокойной вѣрой въ ихъ сердцахъ. Теперь они умирали преждевременно, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ сознавали, что смерть была близко, такъ что слезы катились по ихъ бородамъ, и въ ихъ глазахъ былъ страхъ и тоска.

— Je ne veux pas mourir!—проговорилъ одинъ изъ нихъ.—О, та раугте femme!... Je ne veux pas mourir!¹⁾

Онъ не хотѣлъ умирать, но утромъ онъ былъ мертвъ.

Трупъ, который я долженъ былъ вынести, лежалъ обернутый въ простыню, заколотую булавками. Это было сдѣлано весьма чисто сестрой милосердія. Она шепнула мнѣ, когда я стоялъ у одного конца кровати, а мой пріятель у другого:

— Осторожнѣе... Онъ можетъ распасться на двое.

Я думаль объ этихъ словахъ, когда я засовываль мои руки подъ неостывшее тѣло и помогаль положить его на носилки. Да,

1) „Я не хочу умирать! Моя бѣдная жена... Я не хочу умирать!“

нѣкоторыя изъ ранъ, причиненныхъ осколками снарядовъ, были страшныхъ размѣровъ. Едва ли даже возможно было спать человѣка нитками... Только впоследствии, когда мы отнесли носилки въ другую комнату на другой сторонѣ двора, странная дрожь на мгновеніе пробѣжала по моему тѣлу... Это было ужасно! Стоило ли пресловутое „объединеніе націй“, „очистительное средство противъ порчи нравовъ“, вся ложь людей, оправдывающихъ это чудовищное преступленіе, той цѣны, которая оплачивается болью, слезами и смертью? Только тѣ, что сидятъ дома, могутъ писать въ такомъ родѣ. Когда находишься на войнѣ, всѣ фальшивыя героическія слова меркнутъ и исчезаютъ благодаря всѣмъ этимъ адскимъ мученіямъ. Тогда становится понятнымъ, что сама храбрость въ большинствѣ случаевъ ничто иное, какъ гордость у страшно боящихся людей, гордость, которая заставляетъ ихъ скрывать свой страхъ. Люди не становятся на войнѣ лучше чѣмъ были прежде, они просто обнаруживаютъ хорошія качества, которыя и раньше находились въ нихъ. Самую высшую храбрость на нашемъ дворѣ въ Фюрнесѣ проявляли не санитары, которые прибывали съ поля битвы, но доктора и сестры милосердія, которые ухаживали за ранеными, трудясь безустанно среди крови, посреди всѣхъ этихъ зрѣлищъ и стоновъ. Я исполнился къ нимъ почтенія, когда я наблюдалъ ихъ за работой. Я гордился тѣмъ, что могъ принести супъ кому-нибудь изъ нихъ или могъ вымыть тарелку, чтобы они могли положить въ нее мясо, принесенное изъ кухни. Я съ наслажденіемъ чистилъ бы для нихъ сапоги, если бы ихъ стоило чистить при грязи нашего двора.

— Это не хирургія!—сказалъ одинъ изъ молодыхъ врачей, выходя изъ операционной и моя руки у кухоннаго ушата для помоевъ.—Это дѣло мясника.

Докторъ сказалъ мнѣ, что онъ никогда не видалъ такихъ ранъ и даже не представлялъ ихъ себѣ, а что касалось до условій, въ которыхъ онъ работалъ... Онъ поднималъ руки и захохоталъ, потому что лучше смѣяться, когда нечѣмъ помочь. Имъ не хватало ни перевязочнаго матеріала, ни инструментовъ, ни стерилизаціи. Палаты были забиты настолько, что въ нихъ едва можно было двигаться, а раненые прибывали такъ быстро, что только и оставалось рѣзать и зашивать.

— Я привыкъ къ крови,—продолжалъ молодой хирургъ.—Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я прошелъ мой искусъ, препарируя трупы и затѣмъ переходя на живыхъ. Вы знаете, что это дѣлается постепенно, пока студентъ не только не пугается живого мяса, но начинаетъ разсматривать его какъ матеріалъ для научной работы. Но здѣсь!—онъ окинулъ глазами комнату, куда входили раненые.—Это мнѣ нѣсколько дѣйствуетъ на нервы. Массовое истребленіе, крайняя безсмысленность всего этого, порча такого хорошаго человѣческаго матеріала, все это заставляетъ чувствовать отвращеніе къ войнѣ. Да, война дьявольская штука... И мнѣ жаль всѣхъ этихъ бѣдныхъ бельгійцевъ, которымъ пришлось испытать всю ея жестокость. Вѣдь они-то не жаждали войны!

Деревянные ворота распахнулись для того, чтобы пропустить новый грузъ раненыхъ бельгийцевъ, и молодой хирургъ съ улыбкой кивнулъ мнѣ головой.

— Еще! Я долженъ спѣшить въ мою мясную лавку. Пока до свиданья!

Я помогъ сойти одному изъ прибывшихъ, молодому человѣку, раненому въ грудь, который обвилъ руками мою шею и проговорилъ „Merci! Merci!“ съ утонченной вѣжливостью, какъ вдругъ неожиданно онъ зашатался, такъ что я долженъ былъ наперечъ всю мою силу, чтобы поддержать его въ то время, какъ его рвало кровью прямо на меня. Я долженъ былъ позвать на помощь, чтобы донести его въ госпитальную палату.

И все-таки въ монастырѣ, гдѣ лежало такъ много раненыхъ, слышался часто смѣхъ. Только благодаря веселью и постоянному обмѣну шутками доктора, сестры и наши женщины шофферы могли поддерживать свои нервы. Такъ, напримѣръ, въ трапезной монастыря, когда мы сѣли за столъ, сыпался безчисленный градъ шутокъ, и голубоглазый докторъ съ золотыми волосами пародировалъ голосъ Питера Пана, говорилъ на удивительной смѣси французскаго и англійскаго языковъ и вообще разыгрывалъ роль присяжнаго шутника. Цѣлыя процессіи съ тарелками въ рукахъ направлялись къ дверямъ кухни, гдѣ великолѣпная завѣдывающая кухней, одна изъ тѣхъ широколицыхъ добродушныхъ англичанокъ съ карими глазами, работала цѣлый день въ жару печки, чтобы приготовить пищу для пятидесяти пяти голодныхъ людей, которымъ было некогда дожидаться опредѣленнаго часа. Тутъ происходили стычки между двумя докторами изъ-за послѣднихъ картофеленъ и дуэль между однимъ изъ нихъ и мной изъ-за ростбифа и вареной баранины, и объясненіе въ любви нашей завѣдывающей кухней изъ-за лакомыхъ кусочковъ въ кастрюлѣ. Такой кухни никогда еще не было въ мірѣ, и инспекторъ англійскаго графства написалъ бы въ высшей степени неблагоприятный отчетъ о ней. Кранъ кухни употреблялся въ качествѣ рукомойника докторами, шофферами и санитарями. Сестры проходили по кухнѣ съ окровавленными тряпками изъ операционной палаты, которая была рядомъ съ кухней. Легко раненые, покрытые грязью Изера, сѣли за боковой столъ доѣдать остатки пищи. Среди шипѣнья сосисекъ и звона посуды слышалось стenanье раненыхъ и безконечный монологъ какого-нибудь бѣдняги въ лихорадочномъ бреде. И все таки я вспоминаю эту монастырскую кухню, какъ мѣсто веселья, съ которымъ связана память о многихъ товарищахъ, и какъ спокойное убѣжище отъ ужасовъ войны. Я представлялъ изъ себя нѣчто въ родѣ кухоннаго мужика при ней въ различные часы дня и ночи, когда я не ѣхалъ съ санитарными моторами на поля сраженій, не чистилъ двора или не дѣлалъ того, что кому-нибудь да нужно было сдѣлать.

— Я попрошу васъ вырыть яму и помочь мнѣ похоронить руку,—говорила мнѣ одна изъ сестеръ.—Согласны?

Другой разъ я помогалъ одной изъ нашихъ дамъ развѣсить

одѣяла, не очень хорошо промытая, потому что они были запачканы кровью, и въ не очень-то гигиеническомъ мѣстѣ, потому что веревка находилась надъ охапкой соломы, на которой умерло нѣсколько человѣкъ. На дворѣ было много мусорныхъ кучъ, подходить близко къ которымъ не рекомендовалось, и къ стѣнамъ были постоянно приставлены носилки, пропитанныя кровью или съ большими темными пятнами на нихъ, гдѣ кровь уже высохла. Дворъ стараго монастыря походилъ на дворъ бойни, и дѣйствительно онъ былъ дворомъ бойни, за исключеніемъ того, что здѣсь живыя существа не убивались сразу, а еще мучились въ страшныхъ страданіяхъ.

13.

Каждый день рано утромъ автомобили отправлялись въ сферу огня съ тѣмъ, чтобы подбирать упавшіе колосья на полѣ жатвы войны. Направленіе и пароль дня намъ давалъ юный де-Броквилъ, который получалъ указанія отъ бельгійскаго генеральнаго штаба. Обыкновенно у насъ не было большого выбора. Мѣсто, куда мы должны были ѣхать, лежало гдѣ-нибудь между дорогами по морскому берегу, ведущими къ Нипорту или вглубь страны къ Первизе, Диксмюде-Сентъ-Жоржу или Рамскапелю, гдѣ бельгійскій и нѣмецкій фронты образовывали дугу вплоть до Ипра.

Центръ этого полукруга, опоясаннаго пушками, представлялъ изъ себя поразительную и страшную панораму, очертанную черными клубами дыма и пламенемъ батарей. Надъ Нипортомъ висѣла дымная занавѣсъ густо чернаго цвѣта, освѣщаемая каждый моментъ голубымъ сіяніемъ при разрывѣ снарядовъ. Въ различныхъ мѣстахъ этого полукруга горѣли деревни, нѣкоторыя тлѣя чуть замѣтно, а другія ярко пылая, подобно огнямъ маяковъ.

Диксмюде все еще пылалъ съ обѣихъ сторонъ, но казалось, что въ его центрѣ пожаръ догоралъ. Дальше, на другой сторонѣ дуги пылало пять костровъ или факеловъ, указывающихъ на мѣстоположеніе того, что когда-то было хорошенькими маленькими деревнями счастливой Бельгіи. Я находился въ центрѣ боя, и дороги вокругъ меня были взрыты снарядами и засыпаны шрапнельными пулями. Близко отъ меня, въ полѣ, подъ прикрытіемъ небольшой рощицы помѣщались бельгійскія батареи. Онѣ стрѣляли съ регулярностью машины, и каждую минуту за тяжелымъ лаемъ орудія слышался свистъ снаряда, когда онъ летѣлъ, описывая высокую дугу, и затѣмъ разрывался надъ нѣмецкими окопами. Было интересно высчитывать промежутки времени между вспышкой огня и взрывомъ снаряда. Дальше морскія пушки французскихъ флотскихъ солдатъ обстрѣливали непріятельскія позиціи и вносили другую ноту въ этотъ адскій оркестръ. Это былъ глубокій мрачный грохотъ въ тонѣ страшной угрозы. Непріятельскіе снаряды рвались непрестанно и весьма близко, такъ что по временамъ они казались только въ нѣсколь-

нихъ шагахъ отъ меня. У нѣмцевъ было много огромныхъ мортиръ, и разрывъ ихъ снарядовъ сопровождался гигантскими клубами дыма, который висѣлъ въ воздухѣ болѣе десяти минутъ. Это и были тѣ снаряды, которые вырывали въ землѣ ямы такой глубины, что въ нихъ можно было помѣстить цѣлую телѣгу. Ихъ моральное дѣйствіе было ужасно, и сердце робко сжималось при ихъ появленіи.

Дороги были покрыты длинными обозами съ провизіей для войскъ, санитарными автомобилями, моторами Краснаго Креста, зарядными ящиками и фермерскими телѣгами. Два полка бельгійской кавалеріи были спѣшены и стояли на привалѣ съ лошадьми, вытянутыми на полъ мили въ одну линію рядомъ съ дорогой. Кавалеристы были бравыми людьми, закаленными въ долгой кампаніи и поразительно беззаботными по отношенію къ снарядамъ. На нихъ были надѣты разнообразные мундиры, потому что они представляли изъ себя собранные въ одно остатки бельгійской кавалерійской дивизіи, бывшей все время въ сраженіи съ самага начала войны. Я былъ изумленъ, увидѣвъ ихъ лошадей въ такомъ хорошемъ состояніи, несмотря на долгое испытаніе, которое такъ закалило нервы этихъ бельгійцевъ, что они не обращали ни малѣйшаго вниманія на грохотъ пушекъ.

Вблизи боевой линіи, по деревнямъ и давно разрушеннымъ фермамъ роты бельгійской пѣхоты жались подъ прикрытіемъ дверей или кирпичной стѣны. Я видѣлъ ихъ лица и замѣтилъ, какъ мертвенны они были. Казалось, какъ будто бы искра жизни въ нихъ была загашена ураганомъ битвы. Ихъ глаза ввалились и были совсѣмъ безъ выраженія. Недѣля за недѣлей, ночь за ночью они находились подъ артиллерійскимъ огнемъ, и что-то въ нихъ умерло, можетъ быть, само желаніе жить. По временамъ нѣкоторые изъ нихъ нагибали головы, когда снарядъ разрывался въ пятидесяти или сотнѣ ярдовъ отъ нихъ, и тогда я видѣлъ, что страхъ можетъ жить въ сердцахъ людей, которые освоились съ постоянной мыслью о смерти. Ибо страхъ существуетъ совмѣстно съ высочайшей храбростью, и вліяніе его не чуждо героямъ, которые имѣютъ достаточно мужества, чтобы сказать правду.

14.

— Если кто-нибудь говорить, что онъ не боится снарядовъ, онъ лжетъ!—сказалъ одинъ изъ храбрѣйшихъ людей, съ которымъ я встрѣчался. Въ этотъ моментъ мы наблюдали за тѣмъ, какъ непріятельская шрапнель боронила землю по обѣимъ сторонамъ дороги, на которой мы стояли. Въ этой войнѣ найдется не много людей, которые претендовали бы на безстрашіе. Наоборотъ, большинство французскихъ, бельгійскихъ и англійскихъ солдатъ, съ которыми я говорилъ, съ самага начала войны находили какое-то болѣзненное удовольствіе въ откровенномъ признаніи, что они испытывали страхъ.

— Теперь уже прошло три дня, какъ я струсилъ, — сказалъ молодой англійскій офицеръ, который, какъ я думаю, ни разу въ своей жизни не испыталъ страха до тѣхъ поръ, пока онъ не пришелъ на эти страшныя поля битвы.

— Я былъ парализованъ холоднымъ и ужаснымъ страхомъ, когда я получилъ приказъ идти впередъ съ моими людьми по открытому полю подѣ градомъ шрапнели, — говорилъ французскій офицеръ съ твердымъ выраженіемъ карихъ глазъ человѣка, который при обыкновенныхъ обстоятельствахъ только улыбнулся бы при мысли объ опасности и смерти.

Дѣйствительно, современный артиллерійскій огонь такъ ужасенъ, что онъ уничтожаетъ храбрость. Что-то другое появляется на ея мѣстѣ, какая-то философія фатализма. Иногда это крайняя усталость при видѣ того, какъ смерть играетъ съ человѣкомъ, угрожая убить и вмѣстѣ съ тѣмъ падя его. Во многихъ случаяхъ это странное прекращеніе всѣхъ чувствованій и эмоцій, благодаря чему тѣ, кто долго находился подѣ артиллерійскимъ обстрѣломъ, получаютъ особое омертвѣніе нервной системы, какъ будто бы что-то убито внутри ихъ, хотя наружно они еще живы и невредимы.

Старый родъ храбрости, когда у человѣка была гордость и увѣренность въ своей силѣ и мужествѣ, когда онъ чувствовалъ себя равнымъ врагу благодаря своему оружію и уму, почти совершенно исчезъ. Эта храбрость совершенно исчезаетъ, когда терпѣливый солдатъ идетъ въ атаку или удерживаетъ позиціи противъ вражеской артиллеріи, потому что всѣ человѣческія качества ни къ чему не служатъ противъ современныхъ машинъ смерти. Что значитъ быстрота соображенія, сила руки человѣка, героическія эмоціи, его хитрость въ борьбѣ, когда онъ стоитъ противъ вражескихъ батарей, которыя изрыгаютъ смерть съ ужасающей точностью и регулярностью. Что въ такой часъ дѣлать храбрѣйшему изъ храбрыхъ? Можетъ ли онъ стоять, безстрашно выпрямившись, когда на него градомъ сыплются зазубренные куски стали? Можетъ ли онъ принять позу театральнаго героя съ презрительной улыбкой на устахъ, когда въ двухъ шагахъ отъ него въ землѣ образуется огромная яма, въ которой можно помѣстить автомобиль, и когда само зданіе, около котораго онъ стоитъ, ментально превращается въ безобразную кучу развалинъ?

Нѣтъ, невозможно преувеличить чудовищный ужасъ, испытываемый подѣ огнемъ снарядовъ. Я понялъ это, когда я стоялъ въ центрѣ ада, наблюдая, какъ дѣйствуетъ этотъ дьявольскій огонь на окружавшихъ меня и анализируя мои ощущенія съ какимъ-то болѣзненнымъ любопытствомъ. Я страшно боялся — день за днемъ я долженъ былъ слушать эту музыку и я ненавидѣлъ ее — но я нашелъ, что тутъ были и другія ощущенія помимо страха, которыя произвели во мнѣ перемѣну. Я сознавалъ физическую неловкость, которая дѣйствовала на мой мозгъ. Страшный грохотъ даже больше угнеталъ меня, чѣмъ мысль о смерти. Нѣмецкія батареи гремяли безъ умолку вокругъ Нипорта, Ликсмуде, Первизе и другихъ городовъ и деревень, образуя дугу,

начинавшуюся отъ морского берега. Можно было видѣть острые языки пламени непріятельскихъ пушекъ. Ихъ безустанный грохотъ раздавался оглушительными громовыми раскатами, прерываемыми внезапными и страшными толчками, которые разстраивали умъ и потрясали все тѣло, какъ бы разбивая его на части. Надъ всѣми этими низкими звѣками слышался вой снарядовъ, это долго продолжающееся жужжанье, подобное жужжанью гигантской раздраженной пчелы, которое повышалось до пронзительной пѣвучей ноты, заканчивающейся взрывомъ, который разбрасывалъ смерть. Но еще болѣе невыносимымъ для слуха былъ грохотъ нашихъ пушекъ. Въ Нипортѣ я находился только въ нѣсколькихъ стахъ ярдахъ отъ боевыхъ судовъ, стоявшихъ у берега. Каждый снарядъ, который они посылали черезъ дюны, сопровождался страшнымъ грохотомъ и заставлялъ содрогаться тѣло и сжиматься сердце. Сотрясеніе воздуха было такъ сильно, что вся моя голова болѣла, какъ будто бы по ней колотили молотомъ. Спустя долгое время я трепеталъ отъ волнъ этихъ вибрирующихъ звуковъ. Еще хуже было вблизи батареи французскихъ *cent-vingt**): ихъ выстрѣлы, это пронизывающее душу стокатто, были еще рѣзче и ужаснѣе для нервовъ. Каждый выстрѣлъ сопровождался рѣзкимъ металлическимъ трескомъ, который, казалось, разрывалъ барабанную перепонку въ моихъ ушахъ. Я невыносимо страдалъ отъ этого шума, однако, оказалось, что легко смѣяться во время боли: по крайней мѣрѣ, я громко захохоталъ, когда мой пріятель, проѣзжая мимо батареи на своемъ моторѣ, отдалъ честь одному изъ артиллеристовъ и закричалъ: „*Un moment, s'il vous plait!*“***) Это было похоже на то, какъ бы попросить Юпитера остановить его громы.

Нѣкоторые привыкають къ грохоту орудій, но другіе никогда. Каждый разъ какъ батарея стрѣляла залпомъ, одинъ изъ бывшихъ со мной шофферовъ, механикъ, грубый и энергичный, съеживался и нагибалъ свою голову съ выраженіемъ болѣзненнаго ужаса. Онъ признался мнѣ, что залпы разбиваютъ его нервы на части. Трое такихъ шофферовъ и санитаровъ должны были быть отправлены домой въ качествѣ инвалидовъ въ теченіе одной недѣли. Одинъ изъ нихъ получилъ нервное расстройство, которое чуть не убило его. Однако, они не были трусами. Въ духовномъ отношеніи они были храбрыми людьми и заставляли себя принимать участіе во многихъ опасныхъ поѣздкахъ на фронтъ. Невыносимое напряженіе нервной системы, вотъ что превратило ихъ въ инвалидовъ. На нѣкоторыхъ въ присутствіи разрывающихся снарядовъ нападаетъ какъ бы припадокъ безумія—это и есть то, что одинъ мой пріятель французъ называетъ *la folie des obus****). Оно представляетъ изъ себя родъ особаго упоенія, которое заставляетъ терять сознаніе и впадать какъ бы въ опьянѣніе среди грохочущихъ и визжащихъ снарядовъ. Во время страшной бом-

*) Сто двадцать (миллиметровъ).

**) На минутку (остановитесь), пожалуйста!!!

*) Артиллерійское сумасшествіе.

бардировки въ Диксмуде, продолжавшейся около четверти часа, одинъ изъ моихъ пріятелей безцѣльно ходилъ взадъ и впередъ съ мечтательнымъ выраженіемъ въ глазахъ. Я увѣренъ, что у него не было ни малѣйшей мысли о томъ, гдѣ онъ былъ и что онъ дѣлалъ. Въ Антверпенѣ, когда обозъ британскихъ санитарныхъ автомобилей выскочилъ со своими ранеными изъ тучи снарядовъ, одинъ изъ санитаровъ, котораго болѣзненно притягивалъ къ себѣ этотъ адъ, остановилъ автомобиль и сказалъ: „Я долженъ вернуться, я долженъ вернуться! Снаряды зовутъ меня“. Онъ бросился обратно къ городу, и больше о немъ не слышали.

Любопытство, возбуждаемое дѣйствіемъ снарядовъ, гораздо сильнѣе страха, который они вызываютъ. Оно всецѣло захватываетъ всего человѣка. Страшно и интересно наблюдать, какъ шрапнель рвется возлѣ солдатъ, видѣть, какъ снарядъ то здѣсь, то тамъ взрываетъ землю; слѣдить за тѣмъ, какъ огромное зданіе постепенно теряетъ свои очертанія, затѣмъ падаетъ и обращается въ груды развалинъ; видѣть, какъ смерть собираетъ свою жатву непонятнымъ образомъ—превращая человѣческое существо въ кашу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ и оставляя васъ нетронутымъ, или усѣвая дорогу кусками окровавленного мяса, бывшаго мгновенно тому назадъ запряжкой лошадей, или молотя по камнямъ около фермы шрапнельными пулями, разсыпавшимися между скорченными фигурами солдатъ, которые смотрятъ на эти пули своими впалыми глазами. Любопытство со страшной силой удерживаетъ человѣка подъ огнемъ снарядовъ, какой бы страхъ онъ при этомъ не испытывалъ. Это самый увлекательный ужасъ на свѣтѣ! Какъ нелѣпа смерть! Какъ она выискиваетъ и находитъ свою жертву, оставляя невредимымъ человѣка, находящагося совсѣмъ рядомъ. Похоже на то, какъ будто смотришь въ адъ и наблюдаешь дикую ярость демоническихъ силъ, которыя играютъ человѣческими тѣлами, разрывая ихъ въ клочки осколками стали, сжигая ихъ въ пламени бомбардируемыхъ городовъ, и превращая людей съ дьявольской радостью въ кровавые пятна.

Во всемъ этомъ есть и красота, какъ ее понималъ Неронъ. Прекрасно и ужасно было зрѣлище пылающихъ бельгійскихъ городовъ подъ звѣзднымъ небомъ. Ниже столбовъ дыма и прыгающихъ языковъ пламени тлѣлъ какъ бы совершенно золотой жаръ на подобіе расплавленного металла. Много красокъ и оттѣнковъ было употреблено, чтобы написать эту картину войны. Непріятель выпускалъ снаряды съ дымомъ различныхъ цвѣтовъ, благодаря чему, какъ мнѣ говорили, нѣмцы корректировали свою стрѣльбу. Ярче всѣхъ обыкновенная шрапнель, которая разрываетъ черную тучу дыма, висящаго надъ тлѣющимъ городомъ, яркими голубыми клубами электричества. Затѣмъ изъ тяжелыхъ пушекъ вылетаютъ облака буро-оранжеваго, лиловаго и тускло розоваго оттѣнка, за которыми слѣдуютъ маленькія облачка—барашки чистѣйшаго бѣлаго цвѣта. Это зрѣлище захватываетъ васъ, и со странной настойчивостью, съ тѣмъ омертвѣніемъ нервной и мускульной силъ, про которое я говорилъ, вы наблюдаете,

какъ сфера огня приближается все ближе и ближе къ вамъ, какъ рядомъ съ вами разрываются снаряды, убивая людей.

Солдаты, которые остаются въ окопахъ подъ огнемъ тяжелой артиллеріи иногда даже въ теченіе трехъ дней, появляются на свѣтъ Божій изъ этого мѣста мученій на подобіе людей, похороненныхъ заживо. Ихъ лица пріобрѣтаютъ бурый, землистый оттѣнокъ смерти. Они дрожатъ, какъ будто въ лихорадкѣ. Они какъ бы пришиблены и оупѣли. Но они возвращаются обратно въ окопы. Вотъ что изумительно! Они идутъ назадъ въ окопы черезъ день, какъ бельгійцы шли черезъ день. Въ этомъ нѣтъ ни забавы, ни развлеченія, ни тѣхъ героическихъ приключеній, которыя, можетъ быть, случались на войнѣ, когда люди шли на людей, а не стояли подъ огнемъ непріятельскихъ пушекъ. Вотъ въ чемъ состоитъ храбрость, превышающая страхъ. Въ насъ есть что-то, какое-то божественное и гордое мужество или упорное презрѣніе къ смерти, падающей подобно молніи изъ затянутого дымомъ неба, что заставляетъ насъ возвращаться подъ убійственный огонь, хотя мы и сознаемъ весь ужасъ его. Ради чести люди опять идутъ слушать музыку этого адскаго оркестра и прислушиваться со смертельной тоской къ пѣсни снарядовъ, выкрикивающихъ французскій призывъ къ убійству—*tue! tue!*

Адскую красоту войны во всемъ ея блескѣ я обыкновенно наблюдалъ по ночамъ. Послѣ долгаго дня, проведеннаго на поляхъ, совершивъ нѣсколько поѣздокъ на станцію Фортемъ, гдѣ легко раненыхъ отправляли въ бельгійскіе госпитали на паровомъ трамваѣ, наши автомобили забирали послѣдній грузъ и шли домой въ Фюрнесъ. Въ это время было совершенно темно, и къ девяти часамъ непріятельская артиллерія уменьшала огонь, хотя тяжелыя орудія и посылали свои далеко летящіе снаряды. Пять городовъ продолжали ярко пылать въ огненномъ кольцѣ, и небо трепетало отъ кроваваго отблеска ихъ пожаровъ, и высокія деревья въ своей осенней листвѣ были освѣщены такъ, что ихъ прямые стволы по сторонамъ далекой дороги стояли подобно призрачнымъ часовымъ. По временамъ, снарядъ рвался надъ однимъ изъ пылающихъ городовъ, какъ будто бы врагъ не былъ доволенъ пожаромъ и хотѣлъ прекратить его.

Когда я смотрѣлъ на пламя, я зналъ, что каждый изъ этихъ бѣдныхъ пылавшихъ городовъ былъ развалинами чего-то большаго, чѣмъ кирпичи и известь. Это было уничтоженіе народныхъ идеаловъ, воздвигаемыхъ въ продолженіе столѣтій медленнаго прогресса.

15.

Я отправился на моторѣ къ Нипорту-ле-Банъ, морскому курорту у самаго города Нипорта, который лежитъ немного дальше отъ берега. Это былъ одинъ изъ тѣхъ бельгійскихъ курортовъ, которые такъ любили нѣмцы, раньше чѣмъ ихъ пушки не раздробили ихъ въ куски, то-есть рядъ виллъ изъ краснаго кирпича съ нѣсколькими отелями, выстроенными съ претензіей, но ни-

сколько не напоминавшими фламандскій стиль архитектуры, вытянутыми въ длинную улицу на скучныхъ и однообразныхъ песчаныхъ дюнахъ. Въ этотъ день курортъ и его окрестности были совсѣмъ пустыни. Единственныя человѣческія существа, мимо которыхъ я проѣхалъ на моемъ моторѣ, были два моряка британскаго флота, которые устанавливали аппаратъ беспроволочнаго телеграфа на песчаномъ холмѣ. Они посмотрѣли съ любопытствомъ на наши санитарные моторы, и одинъ изъ нихъ подмигнулъ мнѣ многозначительно, какъ бы говоря: „Тонкая игра, товарищъ, эта война!“ За дюнами море было спокойно, напоминающая жидкій свинецъ. Легкая дымка висѣла надъ нимъ, окутывая какъ бы газовымъ вуалемъ рядъ британскихъ и французскихъ мониторовъ, стоявшихъ недалеко отъ берега. На променадѣ Нипорта-ле-Бэнъ не было видно ни души, только тѣло французскаго морскаго солдата, духъ котораго устремился въ вѣчность, лежало на ея краю, устремивъ свои неподвижные глаза въ сѣрое небо. Въ скоромъ времени къ моему изумленію я увидаль пожилого штатскаго и маленькаго мальчика, выходившихъ изъ одного дома. Этотъ человѣкъ сказалъ мнѣ, что онъ былъ владѣльцемъ Грандъ-Отеля. „Но“, прибавилъ онъ съ мрачной улыбкой, „у меня теперь нѣтъ жильцовъ. Можетъ быть, скоро у меня не будетъ и отеля“. Онъ указалъ на глубокую яму, вырытую часъ тому назадъ нѣмецкимъ „Джекомъ Джонсономъ“¹⁾. Въ нее можно было помѣстить цѣлый автомобиль.

Нѣкоторое время я бродилъ по променадѣ и не слышалъ отвѣта на могучіе голоса морскихъ пушекъ британскихъ боевыхъ судовъ, находившихся у берега. Точно также не было отвѣта и французской батарее, уютно помѣстившейся въ углубленіи между дюнами и замаскированной деревьями. Я прислушивался къ ужаснымъ сотрясеніямъ воздуха при каждомъ выстрѣлѣ мониторовъ, дивясь могучимъ полетамъ снарядовъ, которые разсѣкали воздухъ съ шумомъ курьерскаго поѣзда, мчащагося по туннелю. Странно, что не было никакого отвѣта! Несомнѣнно, нѣмецкія батареи должны были отвѣчать изъ-за рѣки на эту убійственную канонаду.

Мнѣ не долго пришлось ждать неизбежнаго отвѣта. Онъ послѣдовалъ съ прозвительнымъ воемъ и клубомъ синеватаго дыма, когда нѣмецкая прапнелъ разорвалась въ сотнѣ ярдовъ отъ того мѣста, гдѣ я стоялъ. За нею послѣдовало нѣсколько снарядовъ, которые упали на дюны, недалеко отъ французской батареи *cent-vingt*. Другой снарядъ снесъ крышу виллы.

Я разгуливалъ взадъ и впередъ подъ прикрытіемъ стѣны изъ краснаго кирпича, ведущей во дворъ временнаго госпиталя. и затѣмъ по приказу лейтенанта де-Броквиля я поѣхалъ съ бельгійскимъ военнымъ врачомъ къ мѣсту, гдѣ лежало нѣсколько раненыхъ. Когда я возвратился обратно, стѣна изъ красныхъ кирпичей представляла изъ себя груду развалинъ. Бельгійскій

¹⁾ Англійское прозвище снарядовъ, выпускаемыхъ изъ тяжелыхъ орудій, данное по имени боксера-негра. Прим. переводчика.

докторъ говорилъ, что здѣсь „крайне нездоровый“ климатъ, когда мы возвращались съ двумя солдатами, кровь которыхъ капала на сидѣнье мотора. Ихъ перевезли на паромѣ изъ бельгійскихъ траншей, которыя были засыпаны шрапнелью. Другая кучка раненыхъ уже находилась у госпиталя. Многіе изъ нихъ промокли до нитки, проведя всю ночь подъ дождемъ съ неперевязанными ранами. Ихъ положеніе достигло крайнихъ предѣловъ бѣдствія, и вмѣстѣ съ двумя изъ этихъ несчастныхъ я пошелъ принести горячаго кофе для остальныхъ, чтобы они могли хоть немного согрѣться, если у нихъ хватитъ силы пить. Проведя долгій день на поляхъ смерти и вернувшись вечеромъ изъ деревни, гдѣ раненые ждали, что ихъ подберутъ, или ожидали своего конца, я посмотрѣлъ по направленію къ Нипорту-ле-Банъ. Надъ курортомъ поднималось дрожащее пламя и снаряды рвались вѣтъ нимъ въ маленькихъ очаровательныхъ клубахъ дыма, который оставался долгое время на опаловомъ небѣ. Я думалъ о хозяинѣ Грандъ-отеля и о томъ былъ ли застрахованъ его домъ отъ „Джековъ Джонсоновъ“.

16.

Рано утромъ на слѣдующій день я нанесъ визитъ окрестностямъ Нипорта. Попасть въ самый городъ было невозможно, такъ какъ въ серединѣ его рушились дома, и пламя перелетало съ одной стороны улицы на другую. Для нашихъ санитарныхъ моторовъ трудно было даже проникнуть въ окрестности, такъ какъ мы должны были переѣхать мостъ, которому непріятельскія пушки оказывали большое вниманіе. Снаряды падали, шипя, въ воду канала, гдѣ бельгійскіе солдаты строили понтонный мостъ. Только благодаря счастливому случаю наши моторы могли проѣхать по мосту безъ того, чтобы не быть расплюснутыми. Однако, мы рискнули и промчались между двумя снарядами, разорвавшимися спереди и сзади отъ насъ. На другой сторонѣ канала улицы были завалены сломанными кирпичами и разбитыми стеклами. Нѣсколько раненыхъ лежали въ безпорядкѣ въ гостинной маленькаго домика, куда ихъ перетаскивали. Одинъ изъ нихъ высоко держалъ свою голову, чтобы не дать выпасть мозгамъ, а другіе лежали на полу среди перевернутыхъ стульевъ и другой мебели. На каминѣ стояла фотографія семейной группы между дешевыми вѣщами, которыя, быть можетъ, были предметомъ гордости для хозяевъ. На одной стѣнѣ висѣла картина, изображающая Христа съ окровавленнымъ сердцемъ.

Я припоминаю, что въ Нипортѣ былъ одинъ молодой бельгійскій докторъ, который основался на опасномъ мѣстѣ подъ выстрѣлами непріятельскихъ пушекъ и поблизости къ потоку раненыхъ, которые шли вереницей въ тотъ домикъ, и который онъ превратилъ въ свой полевой госпиталь. Докторъ собралъ также около двадцати стариковъ и старухъ, которые не были въ состояніи бѣжать, когда въ городъ начали падать снаряды. Совершенно одинъ онъ оказывалъ первую помощь людямъ, страшно

изуродованнымъ осколками летавшихъ снарядовъ, и въ продолженіе трехъ дней и трехъ ночей онъ работалъ спокойно и безъ страха, не обращая вниманія на смерть, угрожавшую его жизни.

Здѣсь его нашли британскіе санитары, которые увезли съ собою стариковъ и освободили его отъ послѣднихъ раненыхъ. За ужиномъ только и было разговоровъ что объ этомъ докторѣ, и высказывалась надежда, что его будутъ долго помнить его соотечественники.

17.

Иногда мы устраивали свои завтраки, какъ будто бы на пикникъ, рядомъ съ дорогой. Вспоминая эти завтраки подъ защитой нашихъ выкрашенныхъ въ цвѣтъ хаки моторовъ отъ рѣзкаго вѣтра, дувшаго съ болотистыхъ полей, мнѣ представляется теперь рѣзкій контрастъ между весельемъ, царившимъ у насъ, и мрачнымъ ужасомъ окружавшей насъ сцены. Мы пили вино, и никто не думалъ о крови, несмотря на красный цвѣтъ вина, хотя запахъ крови и доносился до насъ съ носилокъ, лежавшихъ въ моторѣ. У насъ были круги хорошаго фламандскаго сыра со свѣжимъ хлѣбомъ и масломъ и надо удивляться, съ какимъ аппетитомъ мы ѣли, хотя пушки гремѣли только въ двухъ километрахъ отъ насъ, и непріятель разбивалъ вдребезги послѣднія твердыни Бельгіи. Наши дамы въ своемъ походномъ костюмѣ, удивительно женственномъ, хотя онъ включалъ и рейтузы, украшали своимъ присутствіемъ эти привалы у дороги и давали возможность испачканнымъ грязью мужчинамъ проявлять ту вѣжливость, которая напоминала имъ о цивилизаціи, хотя жизнь ихъ и опустилась до первобытнаго состоянія. Тотъ, у кого были штопоръ, вызывалъ къ себѣ почтеніе. Одна изъ нашихъ спутницъ съ золотистыми волосами могла глотать кость цыпленка безъ всякаго ущерба для своей красоты. Шофферы основательно жевали, изрѣкая свои лондонскія шутки съ набитыми ртами. Всякое кастовое различіе между ними и остальнымъ персоналомъ госпиталя было совершенно уничтожено благодаря тѣсному содружеству во всѣхъ приключеніяхъ, когда смѣлость нашихъ шофферовъ, ихъ стальные нервы, ихъ терпѣніе въ управленіи моторами и ихъ ловкость при спускѣ по грязнымъ дорогамъ спасли много жизней и заслужили глубокую благодарность. Бельгійскіе солдаты съ любопытствомъ подходили къ намъ и стояли вокругъ насъ, какъ бы находя удовольствіе въ лицезрѣніи нашихъ фізіономій, въ звукахъ нашей англійской рѣчи и въ храбрости дѣвушекъ, отправлявшихся на передовыя позиціи за ихъ ранеными товарищами.

— Ваши англійскія дамы прямо удивительны—сказалъ одинъ бородатый солдатъ. Онъ колебался мгновенье и затѣмъ робко спросилъ:—Какъ вы думаете, могу я пожать руку одной изъ нихъ?

Я устроилъ ему это, и онъ побрелъ отъ насъ съ краской на щекахъ, какъ будто бы онъ былъ въ присутствіи королевы и былъ милостиво принятъ ею.

Бельгійскіе офицеры горѣли желаніемъ быть представленными нашимъ дамамъ и говорили имъ тонкіе комплименты. Я думаю, что присутствіе этихъ молодыхъ дѣвушекъ съ ихъ шприцами и бинтами, съ ихъ умѣньемъ править тяжелыми моторами и ихъ безразличіемъ къ опасностямъ давало чувство успокоенія этимъ офицерамъ, которые уже давно не видали своихъ женщинъ и и долго страдали отъ суровой и безобразной жестокости войны. Въ почтеніи этихъ бельгійцевъ по отношенію къ нашимъ дамамъ не было ни фальшивой сентиментальности, ни замаскированного волокитства. Это было попросту рыцарское почтеніе къ безстрашнымъ женщинамъ, пришедшимъ къ нимъ на помощь, когда они были въ горѣ и нуждались въ состраданіи.

Женщины, товарищемъ которыхъ я былъ короткое время, я думаю о васъ теперь и удивляюсь вамъ. Стремленіе къ необычайному привело нѣкоторыхъ изъ васъ на поля битвъ. Жажда болѣе сильныхъ впечатлѣній, чѣмъ можетъ дать современная жизнь въ мирное время, и стремленіе забыть прошлое были тѣми мотивами, благодаря которымъ вы пришли на эти историческія поля, не обращая вниманія на опасности, играя роль мужчины съ женской отвагой, радуясь своей свободѣ, далекая отъ условій цивилизованнаго міра, однако ни разу не давшая повода къ злой сплетнѣ. Но большинство изъ васъ не имѣло никакой мысли, кромѣ жалости, желанія облегчить страданія, и съ огонькомъ вѣры въ вашихъ сердцахъ вы поддерживали окровавленныхъ мужчинъ и облегчали ихъ страданія, когда они становились невыносимыми. Ни одинъ солдатъ въ арміи союзниковъ не имѣетъ большаго права носить тѣ медали и кресты, которые далъ вамъ печальный король Бельгіи за вашу храбрость въ эту кровавую войну.

18.

Нѣмцы все еще старались прорвать позиціи, занимаемыя бельгійцами и французами. Они вели ужасныя атаки то здѣсь, то тамъ въ поискахъ за уязвимымъ мѣстомъ, откуда они могли бы пробиться къ Фюрнесу и дальше до Дюнкирхена.

Въ то время никто не могъ сказать, удастся ли имъ это, или нѣтъ. Все остается неизвѣстнымъ на современномъ полѣ битвы, гдѣ люди, занимающіе одну деревню, не имѣютъ понятія о томъ, что дѣлается по сосѣдству съ ними, и гдѣ, повидимому, всѣ части арміи, не соприкасаясь другъ съ другомъ, вовлечены въ одинъ общій хаосъ, въ ожиданіи приказовъ, которые, какъ кажется, никогда не придутъ, продвигаясь впередъ безъ всякой видимой причины, отступая по другимъ причинамъ, которые трудно понять, или оставаясь безъ выстрѣла тамъ, куда направленъ огонь противника.

Непріятель выстроилъ восемь понтонныхъ мостовъ черезъ Изеръ, но всѣ они были разрушены. Это была счастливая новость. Однако, въ противовѣсъ ей пришло извѣстіе о тяжелыхъ потеряхъ бельгійскаго отряда, занимавшаго мостъ дальше, внизъ по рѣкѣ.

Въ Диксмюде бельгійцы удерживали предмѣстье. За городомъ шелъ упорный траншейный бой. Непріятель нѣсколько разъ атаковалъ бельгійскіе окопы, и атаковавшіе были уничтожены огнемъ пулеметовъ.

Въ общемъ, на боевой линіи все шло удовлетворительно. Французскія батареи каждый разъ нащупывали позиціи непріятеля, и ихъ артиллеристы съ увѣренностью говорили о горахъ нѣмецкихъ труповъ. Бельгійская пѣхота держалась стойко. Ихъ кавалерія временно была не у дѣла, укрываясь въ хижинахъ у дороги.

Такова была суть того, что я распуталъ изъ клубка сбивчивыхъ подробностей. Въ продолженіе всего слѣдующаго дня я слѣдилъ за ходомъ битвы этого страшнаго и загадочнаго дѣла, въ которомъ трудно отыскать какой-нибудь смыслъ. Полки выходили изъ своихъ окоповъ и брели назадъ, грязные и покрытые глиной, усталые отъ недостатка сна, съ голодными глазами. По дорогамъ двигались пушки и зарядные ящики, оси которыхъ скрипѣли по камнямъ. Въ теченіе часа бельгійская батарея осыпала снарядами непріятельскія позиціи. Артиллеристы работали не спѣша, заряжая орудія съ промежутками для бесѣды. Во время завтрака они развалились среди своихъ пушекъ, куры папиросы, и я былъ радъ этому, такъ какъ каждый ихъ выстрѣлъ разбивалъ мнѣ голову на части. Въ сосѣдней деревнѣ было больше оживленія. Непріятель направилъ свой огонь въ эту сторону. Привязной шаръ сигнализировалъ о бельгійской позиціи, и шрапнели рвались рядомъ съ деревней. Одинъ снарядъ вырылъ огромную яму вблизи желѣзнодорожнаго пути.

Снарядъ за снарядомъ билъ въ одну навозную кучу, ошибочно принимаемую за отрядъ солдатъ. Шрапнельныя пули какъ градъ падали на дорогу. Зазубренная часть снаряда упала съ трескомъ возлѣ насъ.

Мой шофферъ, весьма хладнокровный молодой человекъ и лучший знатокъ своего дѣла, какого я только знаю, подобралъ съ усмѣшкой этотъ осколокъ и бросилъ, пронзительно крикнувъ. Сталь накалилась почти до красна. На разстояніи около двухъ километровъ, у Первизе можно было видѣть огненные языки вражескихъ батарей, пронизывавшіе опушку лѣса. Нѣмецкіе снаряды взвивались бѣлыми мячиками надъ сосѣдними фермами, и на цѣлыя мили кругомъ я могъ видѣть облака дыма, тянувшіяся длинными тонкими полосами. Кругомъ все гудѣло отъ страшнаго сотрясенія воздуха, глухихъ выстрѣловъ тяжелыхъ орудій, остраго стоккато пушекъ меньшаго калибра, и слышалась высокая ноющая нота снаряда, когда онъ пролеталъ надъ головой. Постепенно я началъ чувствовать усталость, пріобрѣтать то самое фантастическое безразличіе къ смерти, которое даетъ возможность солдатамъ варить супъ безъ того, чтобы не смотрѣть на небо, гдѣ летаютъ кучки стали. Только по временамъ появлялся старый вопросъ: „кто же будетъ убитъ, я, этотъ или слѣдующій?“

Только поиски раненыхъ нарушали монотонность всего этого. Сперва находить ихъ было не трудно. Они лежали на соломѣ въ

комнатахъ фермъ, совершенно пустыхъ, если не считать дешевыхъ вазъ на полкахъ каминовъ и семейныхъ фотографій, развѣшанныхъ по стѣнамъ. Раненные носили на своихъ тѣлахъ знаки ужа-сающей точности вражеской артиллеріи, и по ихъ численности, все увеличивающейся въ теченіе дня, можно было догадываться о трагической выносливости бельгійской пѣхоты въ этомъ желѣзномъ кольцѣ, которое постепенно смыкалось, становясь все уже и захватывая то полъ-деревни, то половину дороги. Моторы увозили раненыхъ на станцію Фортемъ, гдѣ тѣ, кто могъ сидѣть, помѣщались въ вагоны парового трамвая и откуда моторы перевозили лежавшихъ на носилкахъ въ городскую больницу Фюрнеса. Однако, въ фермахъ, находившихся подъ обстрѣломъ, и въ одинокихъ домахъ, разбитыхъ случайнымъ снарядомъ, были также раненные, подобрать которыхъ было затруднительно.

19.

Въ эту ночь завылъ вѣтеръ, дуя по плоскимъ полямъ по направлению къ Фюрнесу, и разразилась буря съ ливнемъ, яростно обрушившаяся въ припадкахъ своей злобы на стѣны монастыря. Въ старомъ зданіи со многими корридорами и безчисленными окнами дрожали стекла, трещали рамы, и двери хлопали на подобіе грома. Невозможно было держать зажженную свѣчу въ корридорахъ, разъ она не была поставлена въ фонарь, и густой туманъ незамѣтно пробрался въ помѣщеніе монастыря, охватывая находящихся тамъ своимъ влажнымъ холодомъ. Я провелъ большую часть этой ночи въ судомойной, рядомъ съ кухней, вызвавшись поддерживать огонь въ печкахъ и наполнять бутылки горячей водой для раненыхъ. Большинство сестеръ спало, утомившись въ продолженіе дня. Только двѣ или три изъ нихъ вмѣстѣ съ докторомъ оставались въ палатахъ. По временамъ раздавался звонокъ у входа въ монастырь, и я слышалъ какъ колеса мотора хрустѣли во дворѣ.

— Blessés!—сказала женщина, которая поддерживала вмѣстѣ со мной огонь въ печкахъ.

Мы не могли принять ни одного blessé, такъ какъ у насъ не было больше ни постелей, ни мѣста для постелей, и послѣ объясненія у входной двери бельгійскіе санитары отправились искать другого помѣщенія для своихъ раненыхъ. Въ монастырѣ стало совсѣмъ тихо, если не считать шума вѣтра и дождя. Въ помѣщеніи, гдѣ я сидѣлъ у печей, которыя были поручены моему попеченію, я могъ только слышать голосъ, который безъ умолку говорилъ за двѣ комнаты отъ меня. Это былъ длинный безконечный монологъ безумія. По временамъ въ судомойную входила блѣдная сестра за бутылками горячей воды, и пока я обжигалъ свои пальцы пробками, которыя не хотѣли завинчиваться, и кипяткомъ, наливаемымъ въ узкія горлышки, она говорила мнѣ объ умиравшемъ французскомъ офицерѣ.

— Онъ такъ хочетъ увидать свою жену! Онъ умеръ бы сча-

стливымъ, если бы онъ могъ увидеть ее только на одну минуту. Но она въ Парижѣ, а онъ умретъ раньше чѣмъ настанетъ утро... Я только что написала ей письмо, и онъ поцѣловалъ его, прежде чѣмъ я написала адресъ. Онъ все время зоветъ ее.

Въ судомойной было тепло и уютно, несмотря на сквозняки. Сидя на стулѣ, я почти заснулъ, такъ какъ я былъ весь день въ разъѣздахъ, и усталость угрожала завладѣть мной. Но я очнулся и вскочилъ, когда дверь отворилась, впустивъ въ комнату порывъ холодного воздуха и шумъ барабанищаго дождя, и затѣмъ съ грохотомъ захлопнулась. Мнѣ показалось, что я услышала шаги по каменному полу кухни, и съ боязливымъ чувствомъ, что кто-то чужой пришелъ къ намъ въ монастырь, я вышелъ изъ судомойной. Странная маленькая фигура заставила меня вздрогнуть. Это была дѣвушка въ мужскомъ костюмѣ, если не считать бѣлаго чепца на головѣ, надвинутого низко на глаза. Она насквозь промокла и была вся выпачкана въ жидкой грязи. Она сдѣлала нѣсколько нерѣшительныхъ шаговъ и сказала по-французски:

— Я вся мокрая. И я такъ устала, и такъ хочу ѣсть! Если бы мнѣ было можно лечь здѣсь на полу и посушиться немножко...

— Кто вы?—спросилъ я. Что то фантастическое было въ этой маленькой фигуркѣ, появившейся изъ бури и мрака ночи.

Оказалось, что она была одной изъ двухъ бельгійскихъ дѣвушекъ, которыя сначала войны служили какъ *infirmières* въ рядахъ бельгійцевъ, оказывая первую помощь въ окопахъ, разнося горячій супъ солдатамъ и все время находясь вмѣстѣ съ ними подъ огнемъ. Она походила на ребенка и говорила какъ дѣти жалобнымъ голосомъ въ то время, какъ выжимала край своей куртки, откуда лилась вода, образуя около нея лужу на полу. Она высушилась, сидя возлѣ огня и принялась жадно ѣсть то, что нашлось на столѣ. Затѣмъ она легла въ углу трапезной, погрузившись въ глубокой сонъ тотчасъ же, какъ только ея голова коснулась матраца. Она не проснулась на слѣдующее утро, хотя пятьдесятъ пять человѣкъ стучали за завтракомъ, и въ четыре часа пополудни она все еще спала какъ больной ребенокъ, свѣсивъ голову съ матраца.

20.

Въ тотъ день благодаря проливному дождю ночью, дороги представляли изъ себя настоящіе болота, такъ что моторы должны были продвигаться по краю канавъ. Среди войскъ замѣчалось больше движенія, и было меньше вынужденнаго бездѣйствія въ ожиданіи приказаній. Повидимому, что-то случилось, что-то болѣе значительное, чѣмъ артиллерійская перестрѣлка. Полкъ бельгійской пѣхоты прошелъ, тяжело ступая по грязи, покрытый бѣловатой глиной до верха ихъ шляпъ-цилиндровъ. Пронеслись новости, что неприятелю удалось прорваться на одну изъ дорогъ между Нипортомъ и Фюрнесомъ. Затѣмъ пришло извѣстіе, что нѣмцы пробили себѣ путь къ Вульпену.

— Мы надѣмся задержать ихъ,—сказалъ одинъ офицеръ,—но Фюрнесъ въ опасности. Необходимо будетъ очистить его.

Въ виду такихъ извѣстій, необходимо было поскорѣе отыскать раненыхъ, которые выбыли изъ строя ночью. Доктора твердо рѣшили не уходить, пока они не возьмутъ всѣхъ, кого они могли только захватить съ собой. Небольшая кучка раненыхъ пріютилась въ маленькой виллѣ на дорогѣ. Они насквозь промокли отъ дождя и умирали съ голоду, находясь все время безъ пищи и питья. Моторъ вернулся оттуда обратно за горячимъ кофе и хлѣбомъ. Другая группа раненыхъ помѣщалась въ церкви Удкапеля.

Это были тяжело раненые, и они лежали неподвижно на соломѣ. Я никогда не забуду этой церкви съ ея раскрашенными статуями, упавшими изъ своихъ нишъ и разбросанными по полу. Святой Антоній Падуанскій и святой Себастьянъ лежали на соломѣ, и грубо намалеванныя изображенія святыхъ на стѣнахъ пристально смотрѣли на раненыхъ, лежавшихъ безъ движенія на полу. Это былъ домъ Бога, наполненный жестокостью жизни, и казалось, что статуи насмѣхаются надъ вѣрою людей.

Оказалось, что жители Фюрнеса какимъ то образомъ уже узнали объ опасности, угрожавшей городу. Они завязали кое-какія вещи въ узелки и были готовы бѣжать и оставить свои дома. Въ монастырѣ, гдѣ я помогаль мыть посуду и исполнялъ порученія всякаго рода, когда я не выѣзжалъ съ легучимъ отрядомъ, доктора и сестры уже грузили всѣ свои ящики на автомобили. Послѣдній изъ раненыхъ былъ отправленъ въ безопасное мѣсто. Это былъ солдатъ съ сабельной раной на головѣ, который лежалъ четыре дня безъ движенія съ неподвижнымъ и важнымъ восточнымъ лицомъ, которое какъ бы указывало на спокойствіе смерти.

Нѣсколько монахинь просились уѣхать вмѣстѣ съ докторами и сестрами милосердія. Онѣ вызывались помогать въ палатахъ или въ кухнѣ, только бы имъ избѣжать нѣмецкой солдатчины.

Я пошелъ на другую сторону площади въ мою комнату въ Hôtel de la Couronne и уложилъ свои вещи. Мой пріятель, который помогаль мнѣ, рассказалъ исторію своей жизни, объ ошибкахъ, которыя чуть не погубили его, о своихъ сердечныхъ дѣлахъ. Это былъ странный рассказъ въ то время, когда къ городу приближался непріятель. Пушечные выстрѣлы раздавались все громче и громче по направленію къ Вульпену. Казалось, что они приближаются. Однако, въ городѣ не было паники. На дворѣ госпиталя даже слышался смѣхъ, гдѣ доктора свыряли въ санитарные моторы одѣяла, матрацы, пищу и печки. Они не торопились уходить. Имъ не въ первый разъ приходилось покидать жилище, которому угрожалъ непріятель. Они уже привыкли къ этому и среди нихъ нельзя было ожидать смятенія и суматохи. Я помогъ голубоглазому медику поставить на моторъ большія печи. Эти печи представляли изъ себя „нѣкоторый“ вѣсъ, какъ сказали бы американцы, и оба мы были покрыты слоємъ сажки и походили на трубочистовъ при исполненіи ими своихъ обязанностей. Я поднималъ ящики, которыхъ я никогда не рѣшился бы поднять во время мира, и бѣгалъ за тысячью и одной вещью, которую

никакъ нельзя было оставить. Наконецъ, отданъ былъ приказъ отправиться въ путь, и процессія автомобилей тронулась по направлению къ Поперингу, находящемуся въ двадцати пяти километрахъ къ югу. Мало-по-малу звуки пушечныхъ выстрѣловъ замерли въ дали, и автомобили катились среди мирныхъ полей, гдѣ французскія войска расположились бивакомъ вокругъ своихъ костровъ. Я помню, что на полъ-дорогѣ къ Поперингу мы проѣхали мимо полка марокканцевъ, и я смотрѣлъ, обернувшись назадъ, на то, какъ они расхаживали между кострами, ярко освѣщавшими ихъ красные плащи, бѣлые бурнусы и важныя бородатыя арабскія лица. Имъ было очень холодно, и вѣтеръ рвалъ ихъ широкія одежды. У этихъ людей среди грязнаго поля было какое-то мрачное величье, которое вызывало въ памяти тѣ дни, когда сарадины занимали Европу.

21.

Было темно, когда мы добрались до Поперинга и остановились на площади около городской ратуши, среди массы другихъ автомобилей, грузовыхъ моторовъ, пулеметовъ и телѣгъ. Группы британскихъ солдатъ стояли возлѣ насъ, куря папиросы и смотря на насъ съ любопытствомъ, какъ бы не зная, за кого насъ принять. И дѣйствительно, мы, должно быть, казались странной компаніей. Нѣкоторые изъ насъ были въ хаки, а нѣкоторые въ гражданскомъ платьѣ, съ бельгійскими шапочками на головѣ, и среди автомобилей съ нашими сестрами милосердія стоялъ моторъ съ монахинями, закутанными въ ихъ черныя одежды. Городскія власти были увѣдомлены о нашемъ прибытіи въ Поперингъ для того, чтобы они нашли для насъ помѣщеніе. Бельгійская королева прислала сказать имъ объ этомъ. Но оказалось, что найти кровлю, подъ которой мы могли бы преклонить наши головы, было довольно таки трудно. Мы прождали цѣлый часъ на площади, пока наша завѣдующая ходила говорить съ мѣромъ, умаливать городской совѣтъ и смотрѣть помѣщенія монастырей на окраинахъ города. Наконецъ, она вернулась съ видомъ, не обѣщавшимъ большой надежды.

— Богъ знаетъ куда намъ итти! Кажется, въ Поперингѣ нѣтъ мѣста и для мыши, а между тѣмъ бѣдныя сестры умираютъ съ голода. Намъ нужно отыскать хоть какое-нибудь пристанище.

Меня отрядили подыскать, по крайней мѣрѣ, хотя бы временное убѣжище, а также найти провизію—не совсѣмъ-то легкій трудъ въ неосвѣщенномъ городѣ, гдѣ я никогда не былъ, и переполненномъ солдатами трехъ національностей. Меня также превратили въ пастуха всѣхъ нашихъ овецъ, которымъ было приказано не сводить съ меня глазъ и не разбредаться, а итти, куда я веду. Это было въ высшей степени смѣшное и нелѣпое положеніе для лондонскаго журналиста, застѣнчиваго и скромнаго по природѣ, особенно въ то время, когда нѣкоторыя изъ сестеръ, не признавая его авторитета, вступали на путь собственныхъ приключеній.

Одна изъ нихъ, самая полная и веселая, которая призналась мнѣ, что ей на все наплевать, повела дружескую бесѣду съ флотскимъ лейтенантомъ, и мнѣ стоило большого труда оторвать ее отъ любезностей моряка. Другія сестры нашли лавку, гдѣ угощали кофе британскихъ солдатъ, которые въ высшей степени охотно предложили подѣлится его съ привлекательными дамами. Хорошимъ пастухомъ казался я, когда половина моего стада разбрелась по сторонамъ! Затѣмъ съ однимъ изъ шофферовъ случилось на улицѣ что-то въ родѣ апоплексическаго удара—послѣдствіе нервнаго кризиса послѣ дня, проведеннаго подъ шрапнелью и снарядами,—и съ помощью двухъ сердобольныхъ „Томми“ я долженъ былъ тащить его въ ратушу. Онъ былъ дюжимъ молодцомъ съ хорошо развитыми мускулами и, полежавъ нѣсколько времени въ состояніи безчувствія, онъ вдругъ сталъ буянить и порывался вступить со мной въ рукопашный бой. Я устроилъ его на заднемъ дворѣ, гдѣ онъ постепенно оправился, и затѣмъ помчался разыскивать мое стадо. Послѣ долгихъ поисковъ въ темнотѣ, я нашелъ пивную съ большой комнатой, гдѣ вся наша компанія могла до нѣкоторой степени размѣститься, и затѣмъ на подобіе патриарха съ дѣтьми Израеля въ миниатюрѣ, я повелъ моихъ дамъ въ это святилище и рассадилъ монахинь вокругъ стойки, съ почтенной матушкой въ центрѣ, такъ что вокругъ головы послѣдней было какъ бы сіяніе въ видѣ пивныхъ оловянныхъ кружекъ. Сестры размѣстились гдѣ попало и заявили мрачнымъ хоромъ, на подобіе Катерины въ „Укрощеніи строптивой“: „Мы хотимъ ужинать!“

Влестящая мысль осянула меня. Такъ какъ въ Поперингѣ стояли британскія войска, здѣсь также долженъ былъ быть и провіантъ британскихъ войскъ. Я опять пустился въ моемъ маленькомъ автомобилѣ по темнымъ улицамъ и послѣ разговоровъ со встрѣчными британскими солдатами, которые ничего не знали, кромѣ того, что относилось къ ихъ части, я нашелъ, наконецъ, офицера, завѣдывающаго интендантской частью. Это былъ высокій господинъ, достаточно высокомерный, какъ всегда бываютъ британскіе офицеры, когда они неожиданно сталкиваются съ неожиданнымъ требованіемъ. Ему не понравилось мое штатское платье и, подозрѣвая во мнѣ нѣмецкаго шпиона, онъ пожелалъ знать, какого чорта я здѣсь дѣлаю, и кто я такой. Однако, онъ сразу перемѣнилъ тонъ и сталъ въ высшей степени любезенъ и предупредителенъ, когда я объяснилъ ему, прибѣгнувъ ко лжи, что я одинъ изъ служащихъ британскаго полевого госпиталя въ вѣдѣніи бельгійскаго правительства, и что нашъ госпиталь принужденъ былъ выбраться изъ Фюрнеса, такъ какъ непріятель прорвалъ бельгійскій фронтъ. Я выразилъ ему свою благодарность за его доброту, которую, какъ я былъ увѣренъ, онъ окажетъ, снабдивъ пятьюдесятью пайками пятьдесятъ пять докторовъ и сестеръ милосердія, дьявольски голодныхъ и совершенно лишенныхъ средствъ пропитанія. Послѣ нѣкотораго колебанія онъ согласился исполнить мою просьбу и, обернувшись къ сержанту, который былъ моимъ проводникомъ по темной улицѣ, сказалъ:

„Проводите этого офицера въ складъ и примите мѣры къ тому, чтобы онъ получилъ все, что ему нужно“. Это было настоящимъ триумфомъ, который не можетъ быть оцѣненъ читателями, такъ какъ они не знаютъ униженій, испытываемыхъ корреспондентами во время войны.

Черезъ нѣсколько минутъ офицеръ нагналъ меня на улицѣ, и я уже ждалъ немедленнаго ареста и одиночнаго заключенія до конца войны. Но онъ догналъ меня, чтобы узнать отъ меня новости.

— Прощу извиненія, серъ,—сказалъ онъ очень вѣжливо.—Не будете ли вы добры обрисовать мнѣ хотя бы вкратцѣ военное положеніе тамъ, гдѣ вы были?

Я передалъ ему въ нѣсколькихъ словахъ о сраженіи, благодаря которому бельгійская главная квартира должна была удалиться изъ Фюрнеса, и хотя картина, нарисованная мною, была въ болѣе темныхъ тонахъ, чѣмъ въ дѣйствительности, онъ былъ мнѣ весьма благодаренъ. Такимъ-то образомъ я побѣдоносно поѣхалъ обратно въ пивную съ пятьюдесятью пятью пайками, которыхъ было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы накормить пятьдесятъ пять человѣкъ, умирающихъ съ голоду, и былъ встрѣченъ оваціями. Въ сознаніи добрыхъ дѣлъ, совершенныхъ мною въ этотъ день, я провелъ эту ночь на соломѣ въ школѣ, которая была обращена въ казармы, и тамъ, при свѣтѣ нѣсколькихъ огарковъ, настроилъ длинную корреспонденцію, которая стала очень короткой, когда надъ нею потрудился британскій цензоръ.

22.

Въ концѣ-концовъ госпиталь не остался въ Поперингѣ, а снова возвратился на старую квартиру съ докторами, сестрами, монахинями и всѣмъ своимъ имуществомъ. Непріятель не использовалъ своихъ успѣховъ во-время, и бельгійскія войска съ помощью французскихъ морскихъ солдатъ и другихъ французскихъ войскъ, прибывшихъ въ значительномъ количествѣ, прогнали нѣмцевъ назадъ и заградили имъ путь въ Дюнкирхенъ. Были открыты шлюзы Изера, и вода затопила окружающія поля, такъ что вражеская артиллерія завязла въ грязи и не могла двигаться. На короткое время воздухъ во всей мѣстности между Фюрнесомъ и Нипортомъ, Диксмюде и Первизе былъ очищенъ отъ дыма и копоти битвы. Однако, были и другія причины нѣмецкаго отхода послѣ того дня, когда, какъ казалось, ничто кромѣ чуда не могло удержать непріятельскія войска отъ быстрого наступленія вдоль морского берега. Главную причину неудачи нѣмцевъ нужно искать подъ Ипромъ, гдѣ британская армія выдержала многократныя и отчаянныя атаки непріятеля. Ипръ былъ центромъ десятидневной битвы, которая является наиболѣе жестокимъ и кровавымъ эпизодомъ перваго года войны на западномъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Нѣсколько разъ, послѣ того какъ нѣмцы должны были прекратить свои атаки благодаря страшному огню, который уничто-

жалъ чуть ли не цѣлые полки, они снова пополняли свои разстроенные ряды, бросая въ бой каждого имѣвшагося налицо солдата. Мы знаемъ теперь, что это было одно изъ наиболѣе страшныхъ столкновеній, гдѣ гибли тысячи людей. Выносливость и сопротивленіе британскихъ войскъ были почти что сверхчеловѣческими, и несмотря на потери, которыя деморализировали бы всякую армію, англичане дрались съ тѣмъ же упорствомъ, которое они проявили въ траншеяхъ у Бадахоса и въ бою у Торресъ-Ведрасъ сто лѣтъ тому назадъ, когда британцы были, повидимому, сильнѣе, чѣмъ современное намъ поколѣніе. Были часы, когда все казалось потеряннымъ подъ Ипромъ, когда невозможно было ввести резервы, чтобы заполнить опустошенія въ нашихъ истекавшихъ кровью рядахъ, когда кругомъ лежало такъ много мертвыхъ и раненыхъ, и когда у пушекъ и въ окопахъ оставалось такъ мало людей, что еще одна атака неминуемо прорвала бы и уничтожила наши ряды. Повара и интенданты заняли мѣста выбывшихъ изъ строя въ траншеяхъ, и каждый, кто могъ держать въ рукахъ ружье, бился въ этотъ день за Англію, хотя Англія и не знала объ опасности, которая ей угрожала.

Но и нѣмецкія потери были ужасны. Въ продолженіе этихъ десяти дней нѣмцы шли на вѣрную смерть съ восточной отвагой, подобной той, которая покрыла горами арабскихъ тѣлъ поля Омдурмана. Кайзеръ былъ новымъ Махди, за котораго массами гибли люди, идя съ фаталистической покорностью навстрѣчу неизбѣжной гибели. Послѣ временнаго затишья для сжиганья и похоронъ мертвыхъ, для заполненія гигантской убыли въ полкахъ и дивизіяхъ, непріятель опять двигался впередъ, но опять смерть ждала нѣмцевъ, несмотря на всѣ ихъ пушки, и британцы удерживали свои позиціи попрежнему.

Они удерживали свои позиціи съ геройскимъ и неустрашимымъ мужествомъ, и изъ всего этого ужаса вырисовывается блестящая храбрость молодыхъ офицеровъ и солдатъ, совершившихъ изумительные подвиги, которые читаются подобно сказкамъ, даже когда они написаны сухой прозой въ официальныхъ сообщеніяхъ. Въ этомъ кровавомъ побоищѣ отдѣльные лица еще находили случаи выказать свою личную отвагу, и еще не вся доблесть была уничтожена все подавляющей силой артиллеріи.

23.

Городъ Ипръ былъ тоже присоединенъ къ списку другихъ разрушенныхъ городовъ, въ которомъ я наблюдалъ разгромъ Бельгіи.

Ипръ не существуетъ болѣе въ качествѣ стараго и прекраснаго города, гдѣ мужчины и женщины устроили свои очаги, вѣря въ свою счастливую звѣзду. Много домовъ было совершенно уничтожено, и улицы были завалены огромными горами сломанныхъ кирпичей и разбитаго стекла. Другіе дома горѣли яркимъ пламенемъ. Крыши обваливались въ погребъ, и все, что помѣшалось

между ними, деревянные части дома, мебель и домашнія вещи, превращалось въ черную золу или въ тлѣющіе угли.

Огромный Суконный рынокъ, который былъ великолѣпнымъ образчикомъ старой архитектуры, былъ разбитъ непрерывнымъ потокомъ снарядовъ, такъ что въ концѣ-концовъ онъ превратился въ огромную руину обрушившихся стѣнъ и упавшихъ колоннъ, внутри которой были свалены кучи перекрученного желѣза и изуродованныхъ статуй, гдѣ въ послѣдствіи я бродилъ цѣлый часъ въ поискахъ за какимъ-нибудь остаткомъ, который могъ бы рассказать исторію этой ужасной трагедіи.

Здѣсь, на моемъ письменномъ столѣ, лежитъ нѣсколько длинныхъ ржавыхъ гвоздей, старый замокъ работы пятнадцатаго столѣтія и маленькое разбитое окно съ оловяннымъ переплетомъ, въ качествѣ воспоминанія объ этомъ разрушеніи.

Жители Ипра бѣжали, если нѣкоторые не скрылись въ погребѣ и не были похоронены тамъ. Нѣсколько собакъ бродило вокругъ города, лая на солдатъ, которые проходили по предметамъ, смотря на всѣ эти развалины любопытными глазами и запоминая то, для рассказовъ о чемъ они не могли найти словъ.

Два молодыхъ морскихъ офицера, которые пошли какъ-то въ Ипръ, всячески старались, чтобы одна изъ этихъ собакъ пошла за ними. „Она можетъ принести намъ счастье“, говорили они, стараясь замаскировать свою жалость къ бѣдному животному. Но песъ забился въ развалины дома своего хозяина, относясь недоувѣрчиво къ людямъ, которые продѣлывали то, что не входило въ кодексъ животныхъ.

24.

Я сказалъ, что не вся доблесть и отвага была уничтожена этой войной. Однако, въ общемъ современное оружіе ведетъ къ тому, чтобы обезличить бойцовъ, и у Ипра большинство не столько сражалось, сколько стояло подъ огнемъ, пока не умирало.

— Мы только ждемъ смерти, — сказалъ мнѣ бельгійскій офицеръ, — и удивимся, если она падить насъ въ этомъ ураганѣ снарядовъ. Это война безъ души и безъ интересныхъ эпизодовъ. Въ началѣ, когда я колесилъ взадъ и впередъ по Бельгіи съ цѣлой партіей развѣдчиковъ на мотоциклетахъ, война была интересна. Наша смѣлость или наша хитрость значила тогда очень много. Въ то время считались съ личностью. Но теперь вокругъ Ипра, что тутъ могутъ подѣлать люди, пѣхота, кавалерія, развѣдчики? Все дѣло дѣлаетъ пушка, извергая снаряды и посылая безжалостно смерть. Да, значать только пушки, а люди представляютъ изъ себя только мишени. Наши солдаты падаютъ на подобіе вѣтхихъ листьевъ, сорванныхъ бурей, и рѣшительной побѣды нѣтъ ни у насъ, ни у непріятеля. Одна недѣля смерти слѣдуетъ за другой недѣлей смерти. Позиціи немного измѣняются, вотъ и все, а остальное идетъ попрежнему. Это ужасно!

Тѣ же самыя слова я услышалъ въ ту же самую ночь отъ доктора, который только что прибылъ со станціи Дюнкирхена,

гдѣ тысяча раненыхъ, послѣднихъ въ тотъ день, лежала на соломѣ.

— Это ужасно, — сказалъ онъ. — Артиллерійскій огонь превращаетъ людей прямо-таки въ кучу мяса. Какъ можемъ мы бороться съ этимъ? Что можемъ мы подѣлать при такой бойнѣ?

Вокругъ Ипра, на полѣ сраженія стоялъ туманъ. Съ восхода солнца до полудня и затѣмъ опять съ того времени, когда началось смеркаться, и туманъ снова ползъ по каналамъ и по плоскимъ полямъ, люди двигались во мглѣ какъ призраки съ прозрачными пушками.

Снаряды прилетали изъ облака тумана и разрывались въ мѣстности, окутанной его бѣлыми клубами. Невидимый врагъ убивалъ невидимыхъ людей, и пушки отвѣчали врагу, стрѣлая въ угрюмую сѣрую даль.

Это походило на самую войну, которая была окутана на этомъ фронтѣ туманомъ таинственности. Находясь поблизости къ позиціямъ, когда впечатлѣнія въ высшей степени трудно разсортировать во что-нибудь связанное и послѣдовательное, я былъ совершенно озадаченъ и сбить съ толку крайнимъ беспорядкомъ и неопредѣленностью военныхъ дѣйствій. Въ теченіе нѣсколькихъ дней казалось, что непріятель прекратилъ свои атаки на береговую ливію и на мѣстность между Диксмюде и Нипортомъ. Странное молчаніе воцарилось за дымкой тумана, но наши аэропланы, дѣлая развѣдку надъ вражескими рядами, могли видѣть передвиженіе войскъ къ югу, по направленію къ мѣстности вокругъ Ипра.

Снова пушки заговорили тамъ, откуда, казалось, онѣ были увезены. Развалины Диксмюде стали снова распадаться на мелкія части при сотрясеніи воздуха отъ непріятельскихъ снарядовъ, пролетавшихъ надъ ними по направленію къ бельгійскимъ и французскимъ войскамъ.

Повсюду въ мѣстности вблизи Первизе и Рамкапеля нѣмецкія пушки стрѣляли куда попало, съ цѣлью уничтожить хоть что-нибудь: солдатъ, мирныхъ гражданъ или раненыхъ на ихъ носилкахъ.

Нѣсколько снарядовъ попало въ Фюрнесъ, разорвавшись рядомъ съ монастыремъ, и одинъ упалъ въ Hôtel de la Noble Rose, пролетѣвъ по длинному корридору и пробивъ огромное отверстіе въ стѣнѣ одной изъ спаленъ. Нѣсколько офицеровъ бельгійскаго штаба находилось въ комнатѣ внизу, но ни одинъ изъ нихъ не былъ раненъ.

Французскіе и бельгійскіе патрули, пробравшіеся впередъ, очутились подъ ружейнымъ огнемъ непріятельскихъ окоповъ, которые до этого времени казались покинутыми. Нѣмцы опять повели наступленіе и опять захватили Диксмюде.

Захватъ города не далъ врагу почти ничего. Нѣмцы вновь захватили жалкія развалины города, его улицы со скелетами домовъ, наполненныхъ перегорѣвшими углями, ратушу съ зіяющими отверстіями на ея крышѣ и груды разбитого стекла, кирпичей и разложившихся труповъ.

Если нѣмцы и могли гордиться чѣмъ-нибудь, такъ только окончательнымъ разрушеніемъ этого красиваго стараго города Фландріи. Все же непріятно было сознавать, что непріятель, выбитый изъ Диксмюде и окружающей его мѣстности и прекратившій здѣсь свои атаки на время, могъ неожиданно вернуться опять сюда и захватить городъ, отбитый бельгійцами и французами цѣною многихъ тысячъ убитыхъ и раненыхъ.

Возобновленная атака должна была отвлечь часть союзныхъ войскъ съ позицій вокругъ Ипра и была частью общаго наступленія нѣмцевъ съ тѣмъ, чтобы опять попробовать не удастся ли найти слабый пунктъ союзниковъ, черезъ который можно было бы прорваться.

25.

Война въ этой части Фландріи перешла въ монотонную зимнюю кампанію, и хотя цензуру и порицали за скудность новостей, однако, на самомъ дѣлѣ тутъ нечего было и скрывать. Того, чего жаждала публика, здѣсь и въ поминѣ не было, то-есть героическихъ кавалерійскихъ атакъ, отчаянныхъ штыковыхъ боевъ или быстрыхъ контръ-маршей массы пѣхоты.

На самомъ дѣлѣ здѣсь слышно было только завыванье рѣзкаго пронзительнаго вѣтра, вздымающаго тучами песокъ на дюнахъ и дувшаго съ такой силой по болотистымъ равнинамъ, что казалось, какъ будто всѣ невидимые боги языческаго міра гонятся другъ за другомъ на своихъ колесницахъ.

Въ окопахъ вдоль Изера солдаты прижимались къ грязнымъ и мокрымъ стѣнамъ, чтобы укрыться отъ вѣтра, отъ котораго труднѣе спрятаться, чѣмъ отъ шрапнельныхъ пуль. Онѣ хлестали ихъ со свирѣпой яростью. Несмотря на всѣ шерстяные шарфы и жилеты, связанные руками женщинъ, вѣтеръ пронизывалъ солдатъ до костей. Ночью холодъ не давалъ спать, если бы даже защитники траншей и могли спать, когда снаряды искали ихъ съ воплемъ смерти.

Артиллеристы рыли ямы и заползали въ эти ямы, куря табакъ черезъ отверстія въ мокрыхъ одѣялахъ, которыми они закрывали головы и плечи. Они привязывали пуки соломы къ ногамъ, засовывали газетную бумагу подъ одежду и старались согрѣться хотя бы въ воображеніи.

Поля битвы въ старомъ смыслѣ этого слова больше не существовало. Сколько разъ нужно повторять это людямъ, сидящимъ дома и воображающимъ, что современная армія располагается по полямъ съ бивуачными кострами и палатками. Поле битвы раскинулось на широкой площади среди деревень, разрушенныхъ городовъ, разбитыхъ фермъ и чистыхъ маленькихъ домиковъ, еще не тронутыхъ огнемъ или снарядами. Дороги служили только какъ пути сообщенія между этими пунктами, въ которыхъ находились части войскъ.

Несмотря на холодную погоду, въ Удкапелѣ и Никапелѣ, а также вдоль линіи къ Стивекенкерку и Ломбардзиде было очень

жарко. Батареи непріятеля опять работали во всю, изрыгая неистощимый запасъ снарядовъ. Надъ этой мѣстностью тѣма прорѣзывалась красными языками пламени, и небо было покрыто зигзагами ослѣпительнаго блеска, который освѣщаль на моментъ блѣдныя лица людей, ожидавшихъ смерти.

Въ темнотѣ по дорогамъ къ линіи окоповъ маршировала пѣхота, чтобы смѣнить товарищей, которые находились тамъ подъ угрозой смерти. Солдаты нагибались, подвигаясь впередъ противъ рѣзкихъ порывовъ вѣтра, который раздиралъ ихъ синія шинели, рвалъ ихъ красныя панталоны и билъ ихъ лица какъ бы жестокими бичами. Ихъ штыки въ ножнахъ звенѣли отъ острыхъ порывовъ вѣтра, который старался вырвать ружья изъ ихъ рукъ. Они не поднимали головы ни разу, чтобы взглянуть на подвозки Краснаго Креста, возвращающіяся оттуда, куда они держали путь.

Французскіе офицеры, шедшіе сбоку, кричали своимъ солдатамъ среди порывовъ вѣтра:

— Courage, mes petits!*)

— Il fait mauvais temps pour les sales Boches!**)

Въ комнатахъ фермъ вблизи боевой линіи, то-есть подъ которыми находилось много деревень и фермъ, французскіе доктора въ кожаныхъ курткахъ, застегнутыхъ до подбородка, склонялись надъ ранеными.

— Закройте дверь! Sacré nom de chien, закройте дверь! Что вы хотите, чтобы вѣтеръ загналъ насъ въ каминъ?

Но все-таки приходилось отворять двери, чтобы внести новыя носилки, на которыхъ лежалъ неподвижно раненый.

— Pardon, mon capitaine,—сказалъ одинъ изъ санитаровъ, несшій носилки, когда дверь захлопнулась съ ужаснымъ трескомъ.

Непріятель вновь занялъ вчера Диксмуде.

Такъ краснорѣчиво гласило официальное сообщеніе со своей несравненной краткостью.

26.

Въ теченіе этого послѣдняго мѣсяца я устроился на нѣкоторое время въ Дюнкирхенъ, гдѣ всегда можно было видѣть интересныя вещи. Здѣсь, напимѣръ, почти каждый день надъ городомъ показывался нѣмецкій аэропланъ пресловутаго типа Таубе и бросалъ бомбу вблизи ратуши или гавани, убивая женщину или ребенка или разбивая стекла въ домахъ, но ни разу не повредивъ чего-либо, что имѣетъ значеніе въ военномъ смыслѣ—женщины и дѣти не имѣютъ никакого значенія во время войны—хотя у моря рядомъ съ дюнами находились богатые склады боевыхъ припасовъ, керосина и матеріаловъ всякаго рода. Эти зловѣщія птицы появлялись послѣ полудня съ такой регулярностью, что жители Дюнкирхена, которые любятъ шутку, вмѣсто того,

*) „Смѣйте малютки“!

**) „Плохія времена для грязныхъ бошей“.

чтобы сказать „trois heures et demie“*) говорили „Taube et demi“**) и понимали, который теперь часъ.

Балконъ одного отеля въ Дюнкирхенѣ выходилъ на главную площадь. Въ центрѣ этой площади находится станція Жанъ-Бара, знаменитаго капитана и пирата семнадцатаго столѣтія, изображеннаго въ морскихъ сапогахъ, какъ онъ однажды явился передъ Королемъ-Солнцемъ со шпагой, поднятой надъ головой, въ большой шляпѣ съ перьями. Я стоялъ на балконѣ, смотря на пестроту и движеніе внизу и думая ту думу, которая всегда тайно присутствуетъ въ умѣ cadaго, о чемъ бы другомъ онъ не размышлялъ, а именно о неустанномъ избіеніи людей неподалеку отъ него. Всѣ люди на площади были заняты такъ или иначе дѣломъ смерти. Одни проходили по этой вымощенной плитнякомъ площади на пути къ бойнѣ или возвращались изъ разрушенныхъ и разбитыхъ снарядами городовъ, là bas, какъ называлось мѣсто крови. Другіе везли снаряды для пушекъ или шли въ церкви молиться за людей, которые только что занимались тѣмъ же дѣломъ смерти и теперь лежали неподвижно, оставивъ навсегда все земное.

На этой площади можно было видѣть все, изъ чего состоитъ эта война. Мнѣ казалось, что ловкій антрепренеръ, желая показать на сценѣ типы этой военной драмы, выкинувъ, конечно, ея звѣрства, непременно выбралъ бы тѣхъ самыхъ людей, на которыхъ я смотрѣлъ съ балкона. Автомобили съ французскими штабными офицерами, въ щегольскихъ мундирахъ, неслись во весь опоръ. Въ центрѣ площади, какъ разъ около статуи Жанъ-Бара, стоялъ бронированный автомобиль, устройство котораго бельгійскій солдатъ съ головой, обмотанной бѣлой тряпкой, объяснялъ французскому кирасиру, съ покрытой холстиной каски котораго почти до его пояса спадалъ конскій хвостъ. Мальчишки взобрались на подножки автомобиля, заглядывали въ этотъ чудесный ящикъ, въ эту таинственную машину смерти и совали грязные пальцы въ дыры на бронѣ, пробитыя пулями. Другіе солдаты Chasseurs Alpins—альпійскіе стрѣлки въ небесно-голубыхъ курткахъ, французскіе артиллеристы въ ихъ темно-синихъ мундирахъ, бельгійскіе солдаты въ лакированныхъ цилиндрахъ съ козырьками или въ шапочкахъ съ золотыми или красными кисточками и англійскіе Томми въ желто-буромъ хаки проходили около автомобиля и кивали головой, глядя на него, какъ бы говоря: „Эта штука, повидимому, ловко бьетъ нѣмцевъ. Куда лучше сидѣть въ ней, чѣмъ капать траншеи“.

Шумъ голосовъ и смѣхъ—солдаты часто смѣются во время войны,—вдали отъ артиллерійскаго огня доносились до балкона, по временамъ заглушенные гудѣньемъ и рѣзкими криками моторныхъ рожковъ, похожими на предсмертный вой дикихъ звѣрей. Съ долгимъ прерывистымъ крикомъ промчался аспидно-сѣрый ящикъ на колесахъ. Онъ сдѣлалъ полукругъ, разбросавъ въ

*) „Три съ половиной часа“.

**) „Таубе и полчаса“.

сторону кучку стоявших около отеля, и два молодых джентльмена королевской морской воздухоплавательной службы соскочили на мостовую, весело закричавъ „What-ho!“ двумъ другимъ юнымъ джентльменамъ въ морской формѣ, которые въ свою очередь закричали „Cheer-o!“ изъ-за стола подѣ моимъ балкономъ.

Я зналъ ихъ всѣхъ, особенно же хорошо зналъ одного изъ флотскихъ летчиковъ, который леталъ на томъ, что онъ называлъ „моторбусъ“, видоизмѣняя слово „омнибусъ“, и бросалъ бомбы вмѣстѣ съ морскими ругательствами на головы нѣмецкихъ солдатъ, которыхъ онъ встрѣчалъ на развѣдкѣ. Онъ потираетъ руки при мысли, что онъ только что отправилъ къ чорту изрядное количество „подлецовъ нѣмцевъ“. При нѣкоторомъ счастьѣ онъ надѣется отправить къ Плутону еще нѣсколькихъ сегодня же. День хорошей работы, подобной сегодняшней, повышаетъ его настроеніе удивительнымъ образомъ, какъ говоритъ онъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ летитъ на землю на своемъ заштопанномъ моторбусѣ, который совсѣмъ хорошъ, пока въ воздухѣ, но ни къ чорту не годится, когда мечется по вспаханному полю и рветъ свои новыя снасти. О, этотъ аэропланъ большая шельма! Постоянно требуетъ, чтобы его улещали!

Батарея французской артиллеріи прогремѣла по камнямъ мостовой. Колеса были сплошь покрыты глиной, а пушки сѣрой пылью. Онѣ направлялись къ Диксмюде или къ Рамскапелю. Артиллеристы сидѣли на своихъ лошадяхъ такъ, какъ будто они были приклеены къ сѣдламъ. У одного изъ нихъ пустой рукавъ былъ пристегнутъ къ груди, но онъ твердо держалъ узду лѣвой рукой. Послѣднія колеса застучали за угломъ, и на сцену выступила болѣе яркая толпа артистовъ. Отрядъ алжирскихъ арабовъ прошелъ черезъ площадь, дѣлая большіе шаги и раскачиваясь на ходу. На ихъ головахъ были голубые тюрбаны, повязанные сверху спускающихся на плечи бѣлыхъ повязокъ, и они были въ бѣлыхъ бурнусахъ, достигавшихъ до щиколотокъ. Это были смуглые, бородатые люди. Одинъ изъ нихъ съ благородной и величавой осанкой напоминалъ Отелло, венеціанскаго мавра.

Они воззрились на статую Жанъ-Бара и задали нѣсколько вопросовъ французскому офицеру, который шелъ рядомъ съ ними болѣе короткимъ шагомъ. Жанъ-Баръ, повидимому, произвелъ на нихъ сильное впечатлѣніе, и они поворачивали головы, чтобы еще разъ взглянуть на эту фигуру съ поднятой шпагой и въ шляпѣ съ перьями. Трое мальчиковъ бѣжали рядомъ съ ними и протягивали свои маленькія руки, которые арабы пожимали съ улыбками, смягчавшими суровыя очертанія ихъ лицъ.

За ними прослѣдовала кавалькада арабскихъ вождей на маленькихъ алжирскихъ лошадкахъ съ прекрасными и изящными членами, которыя двигались съ граціей оленей по плитамъ Дюнкирхенской мостовой. Поводья блестѣли и звенѣли благодаря серебрянымъ украшеніямъ. Сѣдла были покрыты расшитыми коврами. Востокъ явился на помощь Западу. Эти магометане смотрѣли на войну какъ на часть религіи. Война имѣла свой ритуаль

и церемоніи даже тогда, когда шрапнель превращала людей въ безпорядочную кучу окровавленныхъ тѣлъ.

Такъ я стоялъ на балконѣ, смотря на живыя картины въ этомъ городѣ по близости къ боевому фронту. По временамъ я оглядывался и прислушивался къ отрывкамъ разговора, который доносился до меня изъ комнаты. Въ комнатѣ было любопытное собраніе людей. Они тоже имѣли отношеніе къ войнѣ, убивая людей или облегчая ихъ страданія. Среди нихъ находился молодой бельгійскій лейтенантъ, который считалъ нѣмцевъ, убившихъ его пулеметомъ, каждый день до тѣхъ поръ, пока цифры не надоѣли ему, и онъ не потерялъ счета. Рядомъ съ нимъ сидѣло нѣсколько сестеръ милосердія, говоря о раненыхъ, объ ихъ предсмертныхъ желаніяхъ и объ утомительныхъ часахъ ночи, когда тысячи раненыхъ прибывали къ нимъ какъ разъ тогда, когда онѣ надѣялись отдохнуть и выпить чашку кофе. Молодой врачъ сказалъ нѣсколько словъ, которыя я услышалъ, повернувшись къ комнатѣ.

— Ужасающая бессмыслица всей этой бойни заставляетъ содрогаться отъ ужаса...

Другой докторъ прибылъ только что изъ Ипра, гдѣ онъ подбиралъ раненыхъ подъ орудіейнымъ огнемъ.

— Это чудовищно!—сказалъ онъ.—И все эта формалистика! Только потому, что я принадлежу къ добровольческому отряду, офицеры пожелали узнать на какомъ основаніи я осмѣлился подбирать раненыхъ, и откуда у меня явилось такое нахальство. Я долженъ былъ ѣхать за сорокъ миль, чтобы получить позволеніе и не могъ его получить!.. А раненые лежали тысячами безъ всякой помощи... Они упрямо стоятъ на формальной точкѣ зрѣнія, когда раненые молятъ о помощи! Прусская каста нисколько не хуже того, что я видѣлъ въ этотъ разъ.

Я отвернулся и обратилъ мои взоры снова на площадь. Но я уже не видалъ толпы на площади. Я видѣлъ только волны крови, поднимавшіяся все выше и выше, и я слышалъ не вопли моторныхъ рожковъ, а стоны людей въ безконечныхъ сараяхъ, гдѣ они лежали на соломѣ, дожидаясь ножа хирурга и умолая впрыснуть имъ морфій. Я видѣлъ и слышалъ то же самое во Франціи и Бельгіи.

Въ комнатѣ слышались звуки фортепіано. Это были глубокіе нѣжные аккорды. Женскій голосъ заговорилъ быстро и возбужденно.

— О, онъ играетъ! Попросите его сыграть намъ что-нибудь! Мнѣ кажется, что прошло тысяча лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я слышала музыку. Я умираю отъ желанья послушать что-нибудь!

Одинъ изъ моихъ пріятелей, который взялъ нѣсколько аккордовъ, стоя передъ фортепіано, сѣлъ и слегка улыбнулся.

— Что сыграть?—спросилъ онъ и затѣмъ, не дожидаясь отвѣта, началъ играть. Это было *rêverie* Шопена и казалось, что звуки этой музыки нѣсколько очистили наши души отъ всего того, что мы видѣли. Музыка была такъ жалобна, что на одно мгновеніе что-то оборвалось въ моемъ сердцѣ. Я думалъ о томъ,

когда я послѣдній разъ слышалъ музыку. Это было въ фламандской фермѣ, гдѣ молодой лейтенантъ, немножко подъ хмѣлькомъ, пѣлъ любовную пѣсню среди своихъ товарищей, тогда какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него снаряды калѣчили и убивали людей.

Звуки музыки постепенно замерли. Кто-то внезапно спросилъ: „Что это такое?“

Это было эхо глухого взрыва и звонъ разбитыхъ стеколъ. Я взглянулъ опять на площадь и увидалъ людей, бѣгущихъ по всѣмъ направлѣніямъ.

Въ скоромъ времени въ комнату вошелъ кто-то и сказалъ одному изъ докторовъ спокойно.

— Опять таубе. Три бомбы какъ обыкновенно, и нѣсколько раненыхъ. Вы лучше пошли бы, это рядомъ за угломъ.

Неожиданная смерть всегда была рядомъ за угломъ, на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ наблюдателя.

27.

Въ Дюнкирхенѣ я не оставался тамъ долго. Какъ разъ началась погоня и охота за корреспондентами, и мое имя значилось на черномъ листѣ, такъ какъ я видѣлъ уже слишкомъ много. Я рѣшилъ повернуть на югъ и удалиться изъ Бельгіи, гдѣ я испыталъ такъ много сильныхъ ощущеній. Около Фюрнеса началась зимняя кампанія, крайне скучная и почти безъ всякихъ интересныхъ эпизодовъ. Все же я видѣлъ героизмъ бельгійскихъ солдатъ въ ихъ послѣдней борьбѣ съ врагами, опустошившими ихъ маленькое королевство, и пока я живъ, память объ этомъ останется у меня до конца моихъ дней. Я былъ забрызганъ кровью бельгійскихъ солдатъ и помогалъ переносить ихъ, раненыхъ и мертвыхъ. Я горжусь этимъ, и душа моя проникнута высокимъ почтеніемъ къ этимъ доблестнымъ людямъ, остаткамъ арміи, которые безъ сколько-нибудь значительной помощи со стороны французовъ или англичанъ упорно оставались въ своихъ послѣднихъ окопахъ, съ непобѣдимой храбростью отказываясь отъ сдачи и защищая послѣдній кусокъ ихъ земли. Для того, чтобы видѣть это, стоило рисковать жизнью.

ГЛАВА VIII.

ДУША ПАРИЖА.

I.

Въ началѣ войны казалось, какъ будто Парижъ остался безъ души, утративъ всю свою жизнь.

Я уже говорилъ о тѣхъ дняхъ мобилизаціи, когда великое множество молодыхъ людей было неожиданно оторвано отъ ихъ мирныхъ занятій призывомъ къ знаменамъ и отвѣтило на этотъ